18+

олег васанта

ДНИ НАШЕЙ ВОЙНЫ, ИЛИ В ПОИСКАХ ЧУДОВИЩ

тат твам аси

олег васанта

Дни нашей войны, или В поисках чудовищ. Тат твам аси

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42673895
ISBN 9785449691477

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.«Марс пуст… все чудовища здесь…»«А тут я как бы снимаю шляпу, но потом надеваю обратно, потому как зима, мёрзнет макушка, понимаешь…»«с прибытием в пункт назначения!)ты смог…»олег а, писатель, тезка и и альтер эго автора (последнее, впрочем, не точно)

Содержание

Глава I 5
Глава II 50
Глава III 86
Конец ознакомительного фрагмента. 91

Дни нашей войны, или В поисках чудовищ Тат твам аси

олег васанта

© олег васанта, 2019

ISBN 978-5-4496-9147-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

* Из записок Дугласа Гроува *

1.

Когда вошел учитель, мы, как обычно молча, поднялись со своих мест. Он внимательно осмотрел нас – руки вытянуты по швам, глаза смотрят в стену напротив, рты аккуратно зашиты – и едва заметно кивнул. Мы опустились на жесткие стулья и закрыли глаза. Время мысленного повторения Клятвы.

Приглушенный маской голос учителя монотонно произносил давно знакомые слова, мысли эхом следовали за голосом:

«…однажды и мы станем Беспристрастными, однажды и мы посмотрим в глаза Чудовищ…» – привычно повторили мы Клятву, сделали небольшую паузу и, открыв глаза, посмотрели на доску.

Тема урока гласила: «Важность ограничений. Урок №47».

Примерно на середине занятия, когда я в очередной раз заскучал и пропустил мимо ушей, откуда появилась идея «не внимать звукам и не взирать на формы» в дверь неожиданно постучали. Учитель, казалось, недовольно вздохнул,

но все же пробормотал: «да-да, войдите». Некоторое время ничего не происходило, но затем дверь резко распахнулась, и внутрь вошел, а точнее, вкатился низенький толстый Лур, привратник Школы – совершенно глухой, как все Неслышащие… Впрочем, он прекрасно ощущал малейшие вибрации, в чем мы не раз убеждались, дурачась во время перерывов. Он привел с собой незнакомую девочку примерно нашего возраста – то есть, лет тринадцати. Поначалу я заметил лишь немного угловатые плечи, обтянутые свитером и короткую, почти мальчишескую стрижку…

– Новенькая, – произнес Лур с характерной интонацией человека, много лет не слышавшего чужих голосов. Учитель чуть отклонил голову, так словно, хотел сказать что-то саркастичное, но, в итоге, просто кивнул Луру. Тот чуть поклонился и скрылся за дверью.

– Садись, – сказал учитель, указывая новенькой на свободное место позади моей парты в самом конце класса. Она неторопливо пошла между рядов. Что-то в ней было странное.

Когда она проходила мимо меня, я украдкой бросил на нее еще один взгляд и вдруг понял, что было не так. Ее рот… он не был зашит.

*

Я смотрел в окно на башню, над которой кружились сне-

жинки и никак не мог перестать думать о девчонке, что сидела сейчас прямо позади меня.

– …как вы помните, Оставившие, – говорил учитель, – первыми осознали, что человека, достаточно интенсивно… и неупорядоченно познающего Окружающее, жизнь, лишенная разумных ограничений, рано или поздно сведет с ума…

На поверхности доски отобразился черно-белый набросок. Он с почти фотографической точностью изображал какого-то лысого, еще довольно молодого человека с заметно оттопыренными ушами и взглядом, явно обращенным куда-то глубоко вовнутрь: человек, сцепив руки на груди, стоял неподалеку от здания, напоминающего обсерваторию.

– Перед вами в своем роде гениальный ученый – Освальд Брюмер, создатель Теории-перевертыша… Он потерял рассудок, не дожив и до 35 лет. Считается, что с него и началась Вторая волна… По крайней мере, он был одной из первых ее жертв… Как вы помните сама Эпидемия не коснулась тех, кого сейчас называют Низкорожденными… а также детей… – Маска учителя вдруг поднялась и чуть повернулась – словно он обвел класс взглядом. – Хотя, – продолжил он, – достаточно одаренный и… самоотверженный ребенок, не будучи разумно ограничен взрослыми вполне может потерять рассудок…

Так вот… те, кто выжили после так называемой Эпидемии, столкнувшись со Второй волной, были вынуждены пересмотреть прежний взгляд на жизнь и выработать опреде-

ленные Правила. Правила, которые сейчас ничуть не менее актуальны, чем тогда. Ведь Эпидемия – это не что-то оставшееся в прошлом. Она… всегда с нами. Так что, ограничения, изучению которых посвящены наши уроки, совершенно необходимы. Как для взрослых, так и для детей. У человека, с детства приученного к ограничениям, способного в нужный момент сконцентрироваться или наоборот, – стать гибким и расслабленным, – будет гораздо больше шансов выстоять если однажды он, подобно Освальду, столкнется с…

Впрочем, довольно на сегодня, – оборвал сам себя учитель. – Запишите в тетради свои текущие мысли.

Вдалеке я вижу высокую башню, – написал я. Это – Башня Печали. К ней всегда непрерывно идут самые разные люди. Однажды и мой отец ходил туда. Это было еще до моего рождения. Мне рассказывала про это мама. Он вернулся домой через несколько месяцев, но почти ничего не рассказал ей о том, что там увидел. Отец до сих пор иногда сидит у окна из которого видна часть Башни и о чем-то думает. Но я не знаю – о чем. Он об этом не рассказывает. Но однажды, когда я стану взрослым, я тоже схожу в Башню…

Сзади меня теперь сидит новенькая девочка, – чуть не написал я с новой строки, но вовремя остановился. Я не знал, о чем писать дальше. Мне вдруг очень захотелось посмотреть на нее. Как можно незаметнее я повернул голову и… наткнулся на ответный взгляд ее серых глаз.

Они такие… Спокойные, только и успел подумать я.

– Нарушение концентрации во время выполнения задания, Дуглас, – негромко произнес учитель со своего места, кажется, даже не подняв головы.

Чувствуя, что краснею, я отвернулся и вновь склонился над своей тетрадью…

*

На улице было удивительно свежо. Я закинул за плечи вещмешок и, разбежавшись, заскользил по протоптанной дорожке, как вдруг наткнулся на локоть Варга – он специально встал на моем пути. Я поднял на него гневные глаза, а он, уродливо усмехаясь, – его рот был зашит толстой черной нитью, показал мне на облепленный снегом железный забор. Помедлив, я кивнул.

На днях мы поспорили с этим дылдой, что я запросто пробегу по столбикам забора – похожие на черные копья, они торчали через каждые несколько футов, отделяя секции забора. Пару раз я уже бегал по этим столбикам – ничего такого, только выглядит опасно, – все равно, что по камешкам перебегать ручей – опоры для ног почти достаточно, а почувствовав, что теряю равновесие, я просто спрыгивал на землю…. Но это видел только Тьен. Варг же мне не поверил или сделал вид, что не поверил. Ну что ж… По растущему рядом с забором старому дубу я забрался наверх и, держась одной рукой за ветку, встал на перекладину забора на высоте при-

мерно пять-шесть футов от земли, приготовившись. Мешок с книгами и тетрадками я оставил внизу.

Я внутренне собрался и шагнул вперед: первый стремительный шаг – левая нога оказывается на столбике впереди, второй – теперь весь вес на правой, третий шаг, четвертый и вдруг что-то толкнуло меня в спину. Промахнувшись левой ногой мимо следующего столбика и наполовину развернувшись в воздухе, я полетел вниз. Все вокруг как-то перевернулось, а я, ударившись спиной прямо о следующий столбик, упал грудью на показавшуюся после предыдущего удара даже мягкой покрытую снегом землю.

Я лежал там и, как ни пытался, никак не мог вздохнуть. Со мной такое было впервые. Тьен, который неожиданно появился рядом – и где он раньше был? – склонился надо мной и попытался поднять на ноги, но я выдернул руку – мне было не до этого. Сейчас мне хотелось лишь вновь обрести возможность дышать!

И вдруг я увидел, как по тропинке заднего двора в нашу сторону идет она. Новенькая. Такая необычная… Такая… Она прошла совсем рядом со мной и… вышла за калитку. Даже не посмотрев на меня. И, конечно же, ничего не сказав. Она будто вообще нас не видела.

Повернувшись к тоже несколько обалдевшему Тьену, я вдруг осознал, что у меня, кажется, опять получается дышать. Хотя бы это было неплохо. Место под левой лопаткой, правда, теперь жгло болью, но на ощупь – вроде ничего се-

рьезного. Возможно, даже все ребра целые.

– Пойдем, – показал я Тьену. Поднявшись на ноги, Тьен все же немного помог мне, я взял у него свой заплечный мешок – это им, как подтвердил Тьен, бросил в меня Варг, исчезнувший с приятелями сразу же после моего падения, и мы пошли домой. Лишь когда мы расставались на перекрестке – мой путь вел влево, а Тьену нужно было идти направо, он поднял руки и сделал несколько жестов: «Ты будешь мстить Варгу?» – спросил он.

«Не знаю», – показал я. Он понимающе кивнул.

«Странная эта новенькая… да?», – вдруг добавил он. Я пожал плечами с деланным безразличием. Мне почему-то ни с кем не хотелось обсуждать ее, даже с Тьеном.

2.

Стоя в своей комнате перед зеркалом я кривлялся, пытаясь состроить наиболее страшную мину – эта привычка осталась у меня со времен Принятия молчания. Впрочем, это уже давно не было так забавно – просто глупая привычка, – я задернул серые занавески и вернулся за письменный стол. Интересно, каким окажется мой голос в тот день, когда снимут нити? Мне будет шестнадцать… еще целых три года… Если не произойдет ничего неожиданного, ничего такого из-за чего их могут снять раньше…

Протянув руку к тюбику с пастой-десертом и засунув тру-

бочку в угол рта, я взял планшет.

«Л-8» – литература за восьмой год, – начертил я пальцем на экране. Учебный планшет послушно стал книгой по литературе за следующий год – первый из старших классов. Я открыл самое начало предисловия, нашел место, где остановился в прошлый раз, и стал читать дальше:

Вырываясь за рамки

«…почти во все времена их недооценивали, зачастую считая просто развлекателями или оторванными от реальности выдумщиками. На самом же деле, жизнь поэтов и писателей удивительна, опасна и полна приключений! Просто это приключения духа, воображения и разума. Настоящий писатель должен не только открыть внутри себя что-то до этого невидимое и не осознаваемое, что-то потаенное и поэтому столь притягательное, но и суметь описать это. Нащупывая это новое, он выходит за рамки обыденного и, так же, как и ученый, зачастую оказывается один на один с Неизвестным. Только, в случае писателя, оно таится внутри. И если человек способен вынести это нечто наружу, оставить отпечатки своей души на белых листах бумаги – то он действительно хорош. Он – настоящий поэт и провидец.

Когда-то, в древние времена люди понимали это, например, в германо-скандинавской мифологии можно обнаружить легенду о похищении Одином меда поэзии…»

Я нажал на ссылку и прочел появившийся на странице текст, кратко пересказывающий легенду. Она показалась мне довольно интересной. Оказывается, похитив мед поэзии, Один превратился в орла и, спасаясь от своего преследователя, успел добраться до Асгарда, но по дороге был вынужден выпустить некоторое количество меда из заднего прохода, поскольку Суттунг почти настиг его…

Надо же, подумал я, дела… Я закрыл текст ссылки и стал читать дальше.

«…в те давние времена считалось, что подлинное искусство поэзии встречается только у тех, кого им наделяют боги, а та часть мёда, которую пролил Один, стала достоянием бездарных поэтов. Гораздо позже, во время Периода Кривляний, искусство частично утратило свой статус, превратившись в один из способов добывания денег».

Остались одни дерьмовые поэты, неожиданно для себя расшифровал я и чуть усмехнулся.

«Современный человек, с детских лет знакомый с умственной культурой вряд ли счел бы так называемые блокбастеры и литературные бестселлеры той эпохи чем-то хотя бы отдаленно достойным. Впрочем, иногда встречались и исключения, например, книга середины 21-го века „Нужны ли цветы Элджернону?“, которая даже сейчас…»

Я не стал открывать аннотацию этой книги – как—то сейчас не хотелось, вместо этого я откинулся на спинку стула и, закрыв глаза, представил себе Одина, превратившегося в ор-

ла.

Он летел под ночным, усыпанном звездами небом, словно тень проносясь над далекой северной землей, а где-то позади него летел его преследователь Суттунг… Холодный воздух искрился снежинками, а великан Суттунг ухмылялся страшной и уродливой улыбкой, отчего-то сильно напоминающей ухмылку Варга. Но Один не боялся гнавшегося за ним великана, ведь внутри него разливался теплом золотой Мед Поэзии из-за которого все вокруг волшебным образом преображалось… Но как именно теперь видел мир Один я не смог толком представить, лишь интуитивно чувствовал что-то такое… Необычное.

С сожалением прекратив грезить наяву – дальше отчего-то не получалось, я открыл глаза.

А ведь ради Меда поэзии Один, назвавшись Бёльверком, не сомневаясь погубил аж девять жизней, подумал я, вновь потягивая десерт, – девять косцов поубивали друг друга, борясь за его точильный камень. Но вряд ли он переживал об этом, он ведь с самого начала все это распланировал… Странно. Значит он совсем не ценил их жизни? Или дело было в чем-то другом? И какой он все-таки был хитроумный и отрешенный – делал все без каких-либо колебаний. Вряд ли у меня когда-нибудь получится стать таким…

Но была еще и другая легенда про Одина, вдруг вспомнил я. В ней он провисел девять суток на дереве Иггдрасиль, ради того чтобы добыть руны… И почему все время всего

по девять? И зачем ему были так уж нужны эти руны? Непонятно… Впрочем, ладно… потом дочитаю.

Я закрыл книжку и поднялся, решив сходить погулять. Зайду за Тьеном, он должен быть дома. Сидит, небось, на своей любимой остекленной террасе, поглядывает на замерзшую старую яблоню и рисует вместо невинного пейзажа за окном каких-нибудь причудливых чудищ…

3.

– Представьте себе полк, сплошь состоящий из шутников и оригиналов, – глядя на нас сверху вниз, произнес учитель. Сможет ли он успешно функционировать? Мм… Крихтон?!

– Нет, учитель, – показал Крихтон.

– Почему?

– Они… ну… – замялся Крихтон, – будут нарушать дисциплину, подвергать сомнению приказы… Дурачиться…

– Будто бы правильно… – протянул учитель, – но… слишком плоско. Что, если они будут защищать свою родину от врага? Разве тогда они не сделают все возможное… гораздо большее, чем сделали бы какие-нибудь но прошедшие подготовку, но лишенные воображения солдаты?

– Да-а, учитель… – согласился Крихтон.

– То есть, полк из шутов гораздо лучше обученного полка солдат?! – с преувеличенным изумлением в голосе переспросил учитель.

– Нет! То есть… Я не… – запутался Крихтон.

– Ладно, – чуть устало махнул учитель рукой. – Садись. Послушаем мнение разумного человека.

– Идун, – обратился он к новенькой.

Сердце в моей груди чуть не замерло, а призрачная ухмылка, вызванная ответами Крихтона, исчезла. – Он спрашивал Ее. Ту, что в тринадцать лет уже имела право голоса. Ту, что была так… Так…

Идун поднялась с места за моей спиной.

– Я не знаю, – просто сказала она. – Вопрос… такой общий. В отдельных случаях отряд, состоящий из оригиналов, действительно, может быть полезен… Там, где нужно решить необычную задачу… а в других… при рытье канав или… расстреле пленных, – чуть тише произнесла она, – вряд ли.

Серая маска кивнула.

– Хороший ответ. Простой, честный и интуитивно верный. Можешь садиться, – сказал он Идун.

Какой у нее приятный голос, подумал я… Хотя и не очень понятно про какие канавы она говорила? Наверное, имела в виду окопы? Мне это показалось немного забавным…

– Идун права, – сказал учитель, – в действительности, нормальные люди – обычные люди, наделенные воображением, чувством юмора и способностью к эмпатии… просто не способны убивать себе подобных. По крайней мере, без серьезных последствий для психики. Это поняли еще в Эпо-

ху Кривляний, когда во многих странах вместо того чтобы призывать в армию всех подряд, стали использовать наемников – этих, говоря терминами из психологии, психов и социопатов. Каждый наемник стоил десятка обычных людей – ведь те, даже в опасных для жизни ситуациях все равно старались выстрелить мимо, пытались убежать или просто… цепенели.

Представьте, что в класс вбегает психопат с ножом и не колеблясь ударяет… скажем, нашего Крихтона, – произнес учитель, вызвав улыбки у класса. – Везде кровь… А он уже смотрит на вас, выбирая следующую жертву… Не думаю, что вы… или я сразу бросимся его разоружать. Первым порывом, скорее всего, будет попытка спасти собственные жизни. И это, в общем-то… можно понять… Конечно, через мгновение я вспомню, что я – ваш учитель и попытаюсь как-то защитить вас… Наверное, попытаюсь, – по крайней мере, мне хочется так думать… Да и те из вас, кто не первый год занимается Искусством ненасилия, возможно, решатся попробовать обезоружить нападающего, но все же… Большинство испытает шок…

Тут учитель вдруг замолчал. Серая маска, казалось, задумчиво смотрела в окна на фиолетовые облака на фоне выцветающего голубого неба. – Цепенеть вовсе не стыдно, – произнес он негромко. – Но если ты пока не готов сражаться… лучше убежать.

Запишите новую тему, – произнес учитель, помолчав:

«Эволюция сознания? Урок №49».

…в какой-то момент, на закате Эпохи Кривляний один оставшийся безвестным писатель подметил, – рассказывал учитель, – что казавшиеся людям самыми темными и пугающими истории, книги… или даже фильмы – зачастую не способны напугать даже ребенка, живущего спустя сто или даже каких-нибудь пятьдесят лет. Писателем было высказано предположение, что наша психика эволюционирует в какую-то непонятную сторону, о которой никто даже не догадывается. Однако, тогда это его наблюдение, содержащее в себе первые ростки будущего поворотного открытия, осталось незамеченным.

В те времена многие ученые были сторонниками теории эволюции человеческого сознания. Эта легковесная теория была весьма популярна. Считалось, что наше сознание постепенно развивается, что люди в целом становятся все умнее и даже разумнее, а прежние страхи, верования, да и вообще… прежние непросвещенные времена вот-вот останутся в прошлом. Но оказалось, что все совсем не так. Следовало бы скорее говорить об инволюции… Ведь с развитием технологий перед нами открывались, не без помощи извне, конечно… все новые возможности для Бесконечной деградации…

За окном быстро темнело. Я опять с трудом мог собраться. Да и к тому же, все это было мне отчасти знакомо по про-

читанным наперед учебникам.

Монотонный, приглушенный маской голос учителя, одиноко витал в тишине класса. Урок был на сегодня последним.

…и вот однажды, живущее в темном и бездонном космосе человечество вдруг осознало, что на самом деле оно – подобно детям, неведомые родители которых просто оставили корзинку с младенцами где-то на заброшенной пересадочной станции. Попросту бросили.

Да, дети подросли, нашли для себя какие-то игрушки и еду, кое-как изучили как и что вокруг работает, выдумали несколько сотен историй о происхождении своего мира и научились профессионально добывать из холодильников газировку и бутерброды, а также играть в довольно… жестокие игры… Они даже придумали научный метод познания… и уже было окончательно возомнили себя венцами творения, как вдруг, кто-то из них случайно взглянул в сумерках в окно и заметил снаружи… Чудовищ. Те, кажется, всегда были там… Просто все это время они чего-то ждали. Некоего часа».

Учитель замолчал и, опустив голову, с любопытством посмотрел на свои наручные часы.

«А кто-то еще… – продолжил он спустя мгновение, – кто-то довольно проницательный… догадался внимательнее посмотреть на самих людей, что в тревоге сгрудились под окнами и вдруг понял, что Чудовища… не только снаружи…

Они были и среди нас. Примерно так и началась Эпидемия».

Учитель замолчал. В классе повисла тишина.

– Это кто-то был Освальд Брюмер? – подняв руку, задал вопрос желающий заработать очки Крихтон.

– То, что я сейчас говорил – это метафора, – вздохнув, ответил учитель. – Ее задача – вызвать у вас правильный эмоциональный отклик. С подробным описанием событий вы познакомитесь позже. Он снова посмотрел на часы. – Хм… занятно, как всегда быстро летит время, когда я это рассказываю… Что ж, запишите в тетрадях свои мысли и, если нет вопросов – вы свободны.

Я почти ничего не знаю про этих чудовищ, написал я. Хотя, я знаю, что они существуют, я никогда их не видел. Я читал о них, слышал от взрослых и учителей. Но мне все равно не понятно – где они, какие они? Пару лет назад я еще очень их боялся. Мысль о том, что они всегда где-то рядом – невидимые и недоступные тревожила меня. Я даже боялся спать без света, но потом… Как-то привык.

Конечно, мне хотелось бы жить в мире без них… Но, с другой стороны, они ведь всегда были здесь. Просто в Эпоху Кривляний никто не осознавал этого. Возможно, даже не смог бы осознать… Сейчас мы готовим себя к осознанию правды. Нас учат, как жить правильно и разумно, как жить так, чтобы пережить встречу с Ними и не утратить рассудок. Если соблюдать правила и ограничения – то, они, скорее все-

го, тебя не одолеют. Ведь безупречный человек им не по зубам… Подумав, я зачеркнул последнюю, пожалуй, несколько наивную фразу. Хотя, написал я, бывает, что кто-то теряет рассудок, несмотря на все предосторожности. Я слышал, что такое случается даже с лучшими… Вторая волна ведь тоже унесла немало жизней… Может быть, чудовища тоже чего-то боятся и нападают на тех, кто несет для них угрозу?..

*

Сбежав по лестнице и подойдя к раздевалке, я опять наткнулся на Варга. Видимо, он меня специально поджидал. С двумя дружками.

– Ну, ты, – сказал он, – уродец… Как тебе полет?..

Во мне вдруг поднялся гнев. Я рванулся вперед и в прыжке пнул Варга в его, как выяснилось, довольно мягкое тело, затем еще и еще раз. Этот здоровенный дылда, оказывается, не умел драться. Он просто выставил перед собой сомкнутые в кулаки кисти – я раз наткнулся на них, до крови разбив губу, – а он так и стоял, ничего больше не предпринимая, пока я наносил ему удары. Наверное, это продлилось лишь пару секунд.

– Что здесь происходит, Дуглас? – вдруг раздался рядом спокойный голос учителя. Он появился неизвестно откуда. Я остановился, стараясь отдышаться. Варг медленно и как-то сонно опустил кулаки. Его дружки куда-то пропали.

– Ничего, – показал я. – Просто мы… – я не знал, что

сказать дальше.

Учитель посмотрел на нас еще раз – маска неторопливо повернулась от меня к Варгу и опять ко мне.

– Ладно, – сказал он. – Идите…

Мы разошлись, даже не посмотрев друг на друга. Все было и так понятно.

По дороге домой, я рассказал Тьену про случившееся, но он, кажется, не очень-то поверил, что я первый набросился на Варга. Я и не стал спорить – ведь Варг, действительно, выглядел устрашающе. Но, на самом деле… он был тюфяком. И теперь он знал, что я это знаю. С тех пор он меня не донимал, я даже видел его довольно редко. Ведь мы учились в разных классах – он был из Низкорожденных. Устрашающие швы, покрывавшие его рот, были лишь веянием моды, бутафорией… а может, просто попыткой выдать себя за кого-то другого.

4.

Смерть в очках и без

Просто ты слушал не те голоса, скажет она однажды
И задумчиво поправит очки.
А ведь я пытался, подумаешь ты, но почему-то
«Те голоса» – звучат совсем тихо,

Так тихо, что хочется иногда крикнуть им:
«Говорите же громче, черт побери!»
Но, конечно, ты не кричишь,
Вместо этого ты подходишь к зеркалу
И, достав нитку с иглой, зашиваешь себе рот.
«Так я хотя бы не заглушу их», – говоришь ты себе
И смотришь в окно —
Наверх
На черные звезды…

Учитель посмотрел на нас и невесело усмехнулся. Сегодня был довольно редкий день. Он пришел на урок без маски. Когда утром он вошел в класс, возникла особенная, какая-то другая, окрашенная и словно бы подталкивающая к чему-то тишина. Странно… когда он был в своей серой маске, сопровождающая его тишина была просто безлично-успокаивающей.

– Это стихи моего друга, – сказал учитель, внимательно оглядев нас. – Тогда еще только вводили обряд Принятия молчания… Помню, нас интересовали всякие глупости: как мы будем есть и чистить зубы, можно ли будет нормально зевать… останутся ли следы после удаления нити. Как видите, не осталось!

– Так вы тоже проходили через обряд? – подняв руку, поинтересовался Тьен.

– Конечно… я до сих пор иногда вспоминаю те дни… Ту

особую сосредоточенность, которую дает молчание. Почти осязаемую плотность мыслей. Легкость и детальность воображения… Да и к тому же, – вдруг лукаво усмехнулся он, – если бы не обряд, мне бы вечно приходилось перекрикивать ваш галдеж, а о том, что такое концентрация вы бы и понятия не имели… В прежние времена, кстати, все так и было. Не так уж и давно… В глупые прежние времена… – добавил он как-то погрустнев.

– А ваш друг… он известный поэт? – спросил вдруг кто-то.

Я не сразу понял, что слышу настоящий голос, а не слежу за жестами… Идун! Это было так неожиданно, словно глоток свежего воздуха…

– Вовсе нет, – ответил учитель. – Эти стихи он написал будучи студентом, когда готовился к Обряду молчания – он прошел его позже, чем вы… А потом… он уехал работать в университет… в Столицу. И мы несколько лет не виделись. Уже гораздо позже я узнал, что его поглотила Тьма. Ровно семь лет назад. Он всегда был… очень талантлив…

– Простите, – негромко сказал Идун.

Но учитель лишь слабо улыбнулся и подошел к доске.

– Запишите тему урока, – сказал он. – «Необходимость ограничения органов чувств и действий. Урок №51».

*

После уроков я остался в Школе. Родители еще утром

уехали на очередной Дипинг и должны были вернуться только в пятницу – в таких случаях я, как и некоторые другие ученики у которых не было родных в городе обычно оставался в Школе.

Я забрался в самый отдаленный угол скудно освещенной библиотеки – почти все светильники были выключены, только за парой столов сидели сонные старшеклассники, склонившиеся над какими-то устрашающе толстыми старыми книгами. Старшеклассников в школе сейчас было совсем немного, хотя я помнил, что раньше – даже еще в прошлом году – их было больше. Устроившись рядом с чахлым комнатным деревцем, я стал читать свою, тоже довольно старую, отпечатанную на простой бумаге книжку.

Это был сборник фантастических рассказов. Первый рассказ назывался «Его океан». Я прочел пару строк, как вдруг задумался непонятно о чем… Страницы книги пожелтели и издавали уже привычный для меня сладковатый запах тления. Где-то недалеко тикали настенные часы. Вообще-то я любил одиночество, но отчего-то в этот момент мне вдруг стало тоскливо.

Не желая поддаваться настроению, я выпрямил спину и проделал простенькое дыхательное упражнение, которому нас всех обучали еще в начальной школе.

Интересно… думал я, что там сейчас делают родители? О Дипинге я имел довольно смутное представление: знал только, что это такая высокая ступень Сосредоточения для

взрослых. Я представил, как безликие взрослые, среди которых и мои мать с отцом, неподвижными рядами сидят в каком-то прямоугольном помещении, скрестив ноги и выпрямив спины, в то время как их сознание витает где-то… Возможно, в сотнях световых лет отсюда, и мне стало еще тоскливей.

Полить бы тебя, жестами показал я, одинокому тощему деревцу, но оно никак не отреагировало. Я отвернулся от него и улегся поперек кресла, свесив ноги с его подлокотника. Поболтав ногами и убедившись, что мне вполне удобно я предпринял еще одну попытку начать чтение. Сначала было скучновато, но постепенно я увлекся.

В рассказе некий герой, живущий в начале 21 века и, судя по всему уставший от беспросветно-материалистичного мира Эпохи Кривляний – в самом начале упоминается некий коллега героя, пригласивший его в гости, лишь чтобы похвастаться новой машиной и загородным домом, – вдруг сталкивается на улице со странным, каким-то растерянным и, похоже, совершенно непомнящим кто он такой, прохожим. Принимающий близко к сердцу проблемы других, герой – его зовут Джованни, пытается, как может, помочь этому похожему на бездомного бродягу мужчине. Он провожает его до городской больницы, как вдруг бродяга, глядя на водную гладь попавшегося им пруда, заявляет, что кажется, вспомнил кто он.

Поскольку память к пострадавшему вернулась, Джованни с более-менее спокойной душой покупает билет и сажает

бездомного на поезд, идущий в соседнюю страну, где по словам того и находится его дом.

Джованни живет себе, как и раньше, каждый день ходит на работу, где периодически терпит глупые насмешки более успешных коллег – он работает на небольшой фирме поставляющей водяные насосы. И вдруг он получает открытку с видом Северного моря, на обороте которой обнаруживает написанное изящным почерком весьма аристократичное приглашение в гости и слова благодарности от того самого бездомного.

Поддавшись порыву, герой берет отпуск за свой счет и едет в те края. Его сердечно встречает теперь одетый в сшитый на заказ костюм человек, в котором Джованни узнает бывшего бродягу. Выясняется, что он живет в небольшом старом замке из светлого кирпича на берегу моря, которое он, кстати, называет своим. Они рука об руку гуляют по холмам и пустынному пляжу, ужинают, пьют легкое вино и разговаривают о странноватых местных обычаях и о том, как лучше укрепить разрушающиеся стены замка, когда хозяин неожиданно предлагает гостю принять в благодарность за заботу о нем… его море – гость теперь может всецело располагать им…

«Но как можно подарить целое море? – удивленно, не зная считать все шуткой или эксцентричной выходкой богача, спрашивает герой. Ведь это – мое море, – просто отвечает хозяин».

Когда утром герой просыпается с чувством то ли слабого похмелья, то ли простуды – он обнаруживает, что хозяина в замке нет, как нет и его маленького старого Вольво на террасе. Видимо, хозяин куда-то уехал. Гость завтракает в одиночестве и идет проветриться на пляж. Он бездумно бредет по береговой косе, разве что иногда перед его внутренним взором всплывают какие-то детали прежней жизни в городе, как вдруг, посмотрев на пенистые волны, он понимает, что море с его суровыми холодными волнами больше не пугает его. Кем бы ни был хозяин – появившимся среди смертных морским богом или эксцентричным полусумасшедшим мистиком, он непонятным образом сумел передать герою ясное ощущение того, что это море с его серебристыми рыбешками, бесчисленными ракушками и серыми волнами – вовсе не что-то чуждое, угрожающее и холодное… Оно – живое существо, неким странным образом действительно принадлежащее своему хозяину, а теперь – и его гостю. И оно готово заботиться об этом госте, лелеять и оберегать его…

Гость бога моря, превращающийся теперь для читателя в одинокую фигурку на пляже – ее замечает возвращающийся со смены смотритель маяка, – подходит к воде и опускает в нее ладонь. Вода – вовсе не холодная, ласково принимает ее. Он сбрасывает одежду на песок и, не колеблясь, входит в воду. Смотритель маяка еще видит, как герой, откинувшись назад и подняв лицо с закрытыми глазами кверху, мгновение стоит среди волн – смотритель что-то кричит ему,

но его криков никто не слышит – их тут же сносит ветер, и заглушают ответные крики чаек. Проходит еще секунда… и герой исчезает в водах океана.

*

Перед сном я снова думаю о прочитанном рассказе. Какое, наверное, удивительное ощущение – плавать в море, принадлежащем твоему другу. Живом, заботливом… разумном… Да и дружить с кем-то, у кого есть свое море… это ведь совсем не то, что дружить с обладателями обычных людских вещей…

Наверное, мир, в котором жил герой до его знакомства с богом моря состоял из отборных Низкорожденных, думаю я. По-крайней мере, те коллеги героя были на них очень похожи… Эта их душевная тупость и инстинктивная тяга ко всему приземленному – которые и сейчас запросто могут вывести из себя даже какого-нибудь Беспристрастного!..

Посмотрев на настенные часы общей спальни, я спохватываюсь, что слишком сильно засиделся сегодня с этой старой книгой. Дома мне бы такого не позволили… Надо все-таки спать…

Я закрываю глаза и некоторое время пристально смотрю в Темноту. Я знаю, что она лишь притворяется простым темным фоном – Ничем. Темнота тоже привычно выжидает словно бы проверяя меня, а затем вдруг мягко прыгает вперед и… уносит меня с собой… Уносит далеко-далеко…

5.

– На прошлом уроке по умственной культуре мы… рассматривали ситуацию, в которой среди нормальных людей вдруг появляется вооруженный… мм… психопат. В Эпоху Кривляний, такие ситуации, кстати, были не так уж редки. После подобных происшествий (относительно крупные назывались тогда терактами), среди публичных и просто так называемых интеллигентных людей было принято проливать слезы, негодовать и обвинять во всем этих ужасных террористов… Но мы-то с вами живем не в Эпоху Кривляний. Нам очевидно, по крайней мере, я надеюсь на это, что у каждой медали есть две стороны. Или даже три… Кстати, до 80-х годов прошлого века в прессе в основном использовался термин "повстанцы"… термин "террористы" вытеснил его благодаря усилиям политиков и купленных ими органов вещания.

Итак… просто взгляните, глазами человека, ежедневно совершающего обряды поклонения своему богу (как правило, все же, с маленькой буквы), на этих агрессивных кретинов… так называемых «правых» американских политиков… или на их современников – внешне более интеллигентных, но постепенно разлагающихся европейцев, на повернувших вспять в своем развитии русских. Думаю, сама Природа – эта материнская рука Сокрытого, – стерла бы всех их с лица

земли, не будь она так бесконечно терпелива.

Впрочем… я сейчас говорю почти как заправский террорист, – усмехнулся учитель. – За такие речи перед учениками в Эпоху Кривляний или даже сейчас – вне Круга – меня вполне могли бы… э-э, даже не знаю, да и не хочется вспоминать об их методах… – он махнул рукой. – В общем, просто поймите, – продолжил учитель, – обвинять во всем одних лишь «террористов» – типичный пример лживого лицемерия той эпохи… В наше время, когда на практических занятиях по умственной культуре вы во время медитации знакомитесь со скрытой безмолвной тканью самого Бытия – все вы, в той или иной мере осознаете, что мир вокруг нас – Единый организм, и что каждый другой человек… кем бы он ни был… носит внутри себя и частичку общего – дарующего жизнь или, скорее, являющегося самой жизнью – «Я».

Прежнее, царившее в обществе разобщение людей было вызвано их невежеством относительно самих себя и мира, в котором они живут… И если бы не Эпидемия… если бы не произошел этот толчок извне…. Все так бы и продолжалось до сих пор.

И все же, давайте сегодня опять вернемся к тем отчасти минувшим, но весьма показательным временам. Итак… – каким-то немного уставшим голосом произнес учитель, – что вы думаете по поводу обсуждаемой нами ситуации?

Я поймал себя на том, что немного ссутулился – очень уж не любил я отвечать на все эти вопросы, стоя перед классом.

Но сутулиться, осознавая, что делаешь это из страха, было как-то совсем глупо, и, поймав себя на этом, я постарался вновь распрямить плечи…

– Мм… есть кто-нибудь желающий… – пробормотал под маской учитель, – Люциус? – наконец, сдался он.

– Да, учитель, – с некой развязной готовностью поднялся остроглазый и рыжеволосый Люциус – шут и зануда-профессор в одном лице. Вместе с ним на темной классной доске, появилось его черно-белое изображение – так все мы могли следить за дискуссией.

– Напомни-ка нам, о чем идет речь…

– Мы рассмотрели трагическую и спорную ситуацию… – с пафосом начал Люциус, – так называемый теракт… С двух противоположных сторон.

– Скорее лишь схематически набросали, – кивнул учитель.

– И теперь мы должны высказать свое мнение.

– Что ж… добро пожаловать, – от общения с Люциусом в учителе просыпалась ирония.

– Я думаю, – не моргнув глазом, продолжил Люциус, – что для нас важно понять и тех и других – и террористов и их… мм… зажравшихся, лживых, но в тоже время невинных по отдельности жертв, – Люциус показал, что тоже не чужд иронии.

– Члены правительств, выбранных этими невинными жертвами, – заметил учитель, – нередко наносили по убежи-

щам «террористов» удары крылатыми ракетами, между делом отдавая подобные приказы после плотного обеда, сидя в кресле и потягивая виски…

– Вот и я говорю, – подхватил Люциус, – что настоящими жертвами, скорее выглядят террористы, а та же Америка – всегда была типичным агрессором… чтобы лучше понять это, достаточно вспомнить историю с агентом «Оранж». Немалая часть земли Вьетнама была отравлена этим ужасным химикатом, миллионы людей в тех местах родились потом калеками… Американцы за это даже не извинились. Но, с другой стороны, скажем, во времена войны с Японией Америка давала шанс противнику принять поражение на не слишком унизительных для того условиях и тут уже японцы решили, что раз Америка идет на уступки, то…

– Стоп, стоп… – оборвал решившего блеснуть эрудицией Люциуса учитель, – вернемся немного назад…

– Я как раз собирался, – скромно потупившись на публику, отозвался Люциус, – в общем, если загнать маленькое животное в угол, то оно начнет кусаться и царапаться, так же и террористы, которые в сравнении с огромными паразитирующими на природе и интеллигентных людях государствами…

– Неужели ты пробовал? – с неподдельным интересом вдруг спросил учитель.

Люциус вдруг замялся.

– Всегда вы так, учитель, – с выражением упрека на лице,

наконец, ответил он. – Сбиваете человека с мысли, шутите, а человек ведь старался, читал учебники, изучал дополнительную литературу…

Серая маска чуть потупилась, едва заметно пародируя известную манеру Люциуса, и я вдруг понял, что учитель под ней улыбается. Странное дело… от этой его невидимой улыбки, вроде бы и не очень уместной, всегда становилось как-то теплее.

Люциус сел на место, ворчливо жестикулируя.

Учитель лишь махнул в его сторону рукой и надолго уставился за окно. Класс заполнила почти осязаемая тишина.

– Какая в конце концов разница кто виноват? – произнес он, наконец. – Двойственность восприятия – вечная ошибка тех в чьем сердце нет места Единству.

В пятницу вечером, наконец, вернулись родители. Мама даже обняла меня – все-таки мы не виделись почти неделю. Папа потрепал по плечу, глядя куда-то в сторону. Со зрительным контактом у него всегда были некоторые проблемы.

– Ну как вы… съездили? – спросил я, забыв о том, что держу в руке кружку со шпинатным чатни, который приготовила мама, предусмотрительно воткнув для меня широкую трубочку. Мама улыбнулась и вытерла салфеткой зеленые брызги с поверхности стола.

– Хорошо… – сказала она, – но ты напрасно пытаешься говорить за едой.

Я кивнул, соглашаясь, но все же меня разбирало любопытство – вдруг есть какие-то сдвиги… в общей ситуации. Я ведь уже не маленький… а родители мне ничего не рассказывают…

– Как было в школе? – спросила мама, разливая всем пахнущий кардамоном чай из большого белого чайника.

– Ничего, – показал я. – Как обычно. Нашел в библиотеке одну книжку. Там были необычные рассказы… Про океан… и еще про девочку и пугало. Я его только начал…

– А-а… – протянул отец, – вам тоже ее подсовывают…

– Почему подсовывают? – возмущенно зажестикулировал я, – я сам ее нашел, в библиотеке… На дальних полках, она очень старая, ей лет двадцать, наверное…

– Ну да, ну да, – согласился отец. – Про океан я помню. Там еще были такие… с щупальцами – он пошевелили длинными пальцами левой руки, глядя куда-то в верхний угол кухни.

Мама бросила на него укоризненный взгляд.

– Он так шутит, Дэви, – мягко сказала она – так она меня называла. – У вас в классе вроде появилась новенькая девочка?

– Угу, – отозвался я, не прибегая к языку жестов, хотя такое и не поощрялось.

– Вот и хорошо, теперь у вас будет больше девочек… Как она тебе понравилась?

– Ну… судя… по ее виду, она уже прошла через Молча-

ние.

– Дети развиваются все быстрее и быстрее, – заметила мама, бросив взгляд на отца. Тот промычал что-то неопределенное, но выражающее скорее сомнение, чем одобрение.

– Да, вроде, она очень умная, – показал я, чтобы как-то закрыть эту тему. Странно было говорить об Идун с родителями. – Я слышал, что они приехали откуда-то из Норвегии…

– И родители устроили ее в нашу школу? Значит, люди все-таки начинают понимать!..

Отец ничего не сказал, лишь как-то особенно посмотрел себе на колени – примерно так, будто там спал кот, и он не решался встать со стула, не желая его потревожить. Но никакого кота там не было! Да и вообще – мы не держали домашних животных. Ведь они бы могли помешать упражняться в практиках отстранения и сосредоточения.

*

Мне снилось, что я стою в ночной степи, где-то впереди возвышаются сопки. Вокруг было не так уж темно, хотя звезд на небе не было видно. Возможно, сама степь излучала этот слабый свет, подумал я, потому что никаких его источников мне не было видно. Это было странное, не очень похожее на земное место. Оно будто бы жило своей жизнью, дышало какой-то вневременностью и силой.

И в этом месте не было никаких чудовищ. Словно оно было слишком многомерным для чего-то столь плоского и про-

стого! Но где-то еще – я также знал это, – они существовали. Хотя во сне мне это казалось удивительно странным и нелепым…

Кто-то легко прикоснулся к моему плечу, кто-то показавшийся мне одновременно близким и очень могущественным. И кажется, он что-то хотел от меня… что-то, как ни странно, связанное с чудовищами.

– Но ведь нет никаких… – начал было говорить я, оборачиваясь и, открыв глаза, понял, что проснулся.

Я вдруг испугался. Мне показалось, что только что я действительно слышал собственный голос. Но – нет, швы были на месте. Я опустил руку и вздохнул. Вокруг было темно. Сев в кровати, я включил светильник. Темнота, словно бы сгустившись, расползлась по углам.

За время сна во рту пересохло. Я немного посидел так, но передумал идти на кухню, выключил светильник и, откинувшись на подушку, закрыл глаза. На миг мне показалось, что я вот-вот вспомню, что от меня хотел тот незнакомец во сне, но вскоре я уже снова спал.

6.

– Наши школы – это лишь наивная попытка контролировать и направлять то, что контролю по определению неподвластно. Школярская попытка, извини за тавтологию, – разошелся утром отец – с ним иногда такое бывало. – Да, они

понимают, что такое «у-вэй», они используют проверенные веками упражнения и… эти новые методики, но… ради всего святого, это же… опять все не то!.. Сияющее «Я»… разве оно поселится в стенах этих школ? Кто-то из детей, возможно, и увидит Его проблески, но… планомерно делать из них маленьких просветленных?! Что за странная идея!

– Если тебе все так уж не нравится, может, стоит отправиться в какое-нибудь лучшее место? – отозвалась мама с иронией в голосе.

– Я бы может и отправился, – ответил отец, – но ты же знаешь…

– Знаю… Тебе это больше не удается… Но это еще не повод становиться вечным брюзгой!

– Организм требует, – я почти увидел, как виновато развел руками отец.

Мама негромко рассмеялась. В итоге ему всегда удавалось ее рассмешить. Ну, почти всегда.

– Дэви, – услышал я свое имя, – хватит слушать взрослые разговоры, иди уже завтракать.

Я вышел из коридора, где стоял, на нашу небольшую кухню и, помахав рукой в качестве приветствия, сел на свое место у двери.

Что это еще за лучшее место? думал я пока втягивал через трубочку питательную смесь из молотых злаков и овощного пюре – как ни странно, она мне даже нравилась, – неужели отец раньше мог попадать куда-то… Куда-то еще, где…

– Поторопись, Дэви, – сказала мама.

– Женщины всегда поторапливают мужчин, – произнес отец назидательным тоном. – Это у них врожденное, от природы. Таким образом, они вслед на ней заставляют мир вращаться. Но на самом деле, я бы предпочел однажды услышать: «Никуда не торопись, дорогой, делай все как можно медленнее, а я пока свяжу тебе пару новых свитеров!»

На этот раз папина шутка даже мне показалась забавной. Впрочем, я этого никак не показал. Это было не совсем в моих привычках.

На метафизиологии – впрочем, приставку мета все обычно опускали, мы весь урок рассматривали скелеты. Вела его высокая и, на мой взгляд – впрочем, я бы в этом никому не признался, – очень красивая женщина с выразительными карими глазами, непривычно алыми от помады губами и овальным лицом, усыпанном светлыми веснушками, – миссис Уиндем. Она приехала к нам из Англии.

Каждый из нас раскрыл перед собой большой интерактивный атлас – полный очень реалистичных изображений скелетов разных существ, в том числе и человека. Я с любопытством, к которому, кажется, примешивалось что-то еще вроде слабого отвращения, рассматривал эти желтоватые кости, пустые внутри черепа, ребра и суставы человеческих рук и ног и вдруг ощутил, что меня… Словно бы нет. Или может, не совсем так… Может быть, осознав эту так явно пере-

данную на картинках временность и наглядную материальность наших тел, я почувствовал, что настоящий я – это что-то другое… Иное, чем… эта конструкция, надетая на каркас из костей… которая рано или поздно окажется… В общем, я был словно бы отдельно, сам по себе, хоть и не понятно – где и кем, а тело – отдельно.

– Молодец, Дуглас! – вдруг похвалила меня мисс Уиндем. – То, что требовалось! Кое-кто из ребят отвлекшись, оглянулся на меня – но мисс Уиндем не стала делать им замечаний, она обычно смотрела на такие вещи сквозь пальцы.

– Мы – это не наше тело, – сказала мисс Уиндем. – Но, в тоже время, мы – именно оно. Достаточно, к примеру, небольшого спазма сосудов в мозгу и человек может позабыть кто он и где находится… Так что… не обольщайтесь, дети… Невозможно беззаботно жить, наслаждаясь теми возможностями, которые дает тонкое тело – однажды вы этому научитесь, – и совершенно позабыть про свою физическую оболочку. Именно она – эта самая внешняя оболочка, делает нас людьми. Определяет наши возможности… если вы, конечно, не один из Оставивших… Но в тоже время… не следует забывать о том, что мы – не только тело. Как бы парадоксально все это не звучало! Впрочем, со временем вы все сами поймете…

Она прошла между рядами, одобрительно переводя взгляд с одного ученика на другого, пока не дошла до парты Идун. Та неподвижно сидела с прямой спиной перед закры-

тым атласом.

– О, – лишь воскликнула мисс Уиндем. И пошла дальше.

И что это значит? подумал я, бросив взгляд на Идун. Вечно люди вокруг знают и видят что-то, чего не вижу я… Новенькая… Идун… в этот момент показалась мне особенно далекой и неприступной.

*

Вечером, когда я из любопытства листал на планшете книжку под названием «Места и Карты» – одного, как говорилось в предисловии, свежеиспеченного Мастера Пустоты – я нашел ее в списке рекомендуемой литературы по географии, мне вдруг попался довольно странный отрывок:

«В историях и сказках великаны зачастую изображаются чувствительными и ужасно переживающими из-за своей грубости и неуклюжести существами, они трогательно тянутся ко всему хрупкому и прекрасному. «Ах, – расстроено бормочет великан, – мои неловкие пальцы смяли эту нежную ромашку…»

Но, на самом деле, великанам нет дела до ромашек! Они вполне удовлетворены тем, кто они есть и отнюдь не рефлексируют по этому поводу. В общем… лучше просто обходить их стороной. Откуда я это знаю? – спросите вы, ведь я всего лишь один из этих невзрачных людей – авторов школьных учебников. Ну… как-то я столкнулся с потомками великанов, причем самыми так сказать некрупными их представи-

телями.

Мы путешествовали с научно-исследовательскими целями по далеким северным городам с одним мало запомнившимся попутчиком… Да… и кто бы это мог быть?.. Колин? Вряд ли… В итоге, мы в конце концов вышли на некой почти пустой станции, обошли вдоль и поперек очередной маленький городок и, наконец, нашли то, что искали уже несколько недель – одинокую старинную башню, эдакую стелу, уходившую ввысь. Она была несколько примитивна с точки зрения изысканной архитектуры: коричневато-красный кирпич, нелепая сдвоенная арка в основании. Однако, уходила вверх она настолько высоко, что это выглядело невероятно и грандиозно.

А когда мы возвращались, проделав все необходимое: осмотр, записи, заборы проб… произошло нечто еще более удивительное: шагая по местному полупустому вокзалу, я вдруг увидел, как по параллельному переходу идут во встречном мне направлении два больших человека – я бы назвал их великанами, если бы это слово не рождало привычных ассоциаций. В общем, они были раза в полтора выше обычных людей, в остальном же, ничем особенным не отличались – худощавые, в туристической одежде, с рюкзаками. Разве что… от них исходило тревожащее ощущение силы…»

7.

– Итак, – произнес учитель, – мы почти вплотную подошли к этой скользкой и темной теме. Сегодня мы немного поговорим о природе Чудовищ.

Как мы уже обсуждали, предвестником открытия существования чудовищ можно считать предположение одного писателя двадцать первого века, о том, что человеческая психика эволюционирует в какую-то непонятную сторону, о которой никто даже не догадывается. Но почему она туда так сказать эволюционирует? Почему развитие технологий… казалось бы, такое полезное, наоборот, сделало нас примитивнее… Как будто внутрь нас встроилось нечто чужеродное?..

Расскажу вам один случай. Будучи ребенком лет четырех-пяти я как-то вечером в компании взрослых в течение примерно часа просидел перед телевизором – никаких фильмов ужасов или триллеров… Но когда я потом отправился спать, узоры на стене комнаты под моим взглядом вдруг стали скорчиваться и распадаться – я на себе ощутил разрушительное прикосновение хаоса. Не в силах бороться в одиночку с этим вдруг начавшимся распадом мира я, в конце концов, заплакал. Помню, как появились взрослые и вроде бы утешили меня – хотя никто тогда не понял – что именно не так, а я, конечно, ничего не мог объяснить.

На самом деле, это была естественная и правильная внутренняя реакция молодого создания на ту информацию, что

транслировало телевидение. Я имею в виду энергетическую информацию… тонкие вибрации, что наполняют все вокруг… В тех телепередачах они были явно враждебными для всего чистого, тонкого… живого. Но… как известно, если пить яд понемногу, то в конце концов организм привыкает и человек перестает замечать, что его постоянно отравляют… – учитель ненадолго замолчал.

– Сейчас, годы спустя, даже забавно вспоминать все те фильмы, что показывали по старому телевидению. Такая ирония… использовать средства передачи информации, способствующие превращению людей в чудовищ… рассказывая истории про чудовищ!

Хотя… само содержание фильмов, конечно, не было случайным… Я имею в виду, что оно было отражением сознания людей с больным… м-м сознанием. Но, как ни странно, в целом все происходило довольно естественно и казалось всем вокруг абсолютно нормальным.

Войны, кризисы, теракты, преступления, наркомания, глупые и в тоже время страшные фильмы и книги… Новости, полные насилия и грязи…. Играющая повсюду громкая и деструктивная музыкуа… Снующие стайками оболваненные подростки, часть которых, как это ни печально, невольно начало пить и курить, находясь еще в утробах своих матерей…

Все это казалось жителям Эпохи Кривляний вполне нормальным и обычным… Даже считалось, что склонных к пес-

симизму и тоске людей нужно лечить… И их нередко, действительно, начинали лечить с помощью различных… э-э… медикаментов…

Я еще застал те времена, – помолчав, добавил учитель. – С момента Эпидемии прошло ведь каких-то тридцать с небольшим лет. Да… появились города и поселения Круга… Появились Беспристрастные и уже ушли от нас Оставившие… Но за пределами Круга все идет по-прежнему…

В этом сила чудовищ. Их воздействие сложно осознать. Все так просто… и так сложно. Вроде бы и нет никаких чудовищ, ведь их вроде бы никто не видел. Но отчего-то в итоге, люди просто больше не могут чувствовать некоторые тонкие, но очень важные вещи, скажем, не могут по-настоящему любить… или быть добрыми, по-настоящему любопытными, искренними… Счастливыми. Настоящая битва и поражение происходят внутри нас. Тонкие процессы мышления оказываются разрушенными, и ты становишься кем-то вроде… рядового зомби… а твои дети оказываются теми, кого мы называем Низкорожденными…

Учитель взял лежавшую на столе маску и задумчиво покрутил ее в руках. – Я даже не заметил, когда он ее успел снять.

Когда-то, – произнес он, помолчав, – будучи учеником средних классов, примерно как вы, я мучился вопросом – что бы было, если бы совсем ничего не было? Ни людей, ни вселенной, ни звезд, ни даже пустоты… Вообще ничего…

Понимаете?

Но став старше и научившись в медитации… еще только прикасаться к Тишине, я ощутил, что Сияющее Я, о котором столько твердили Оставившие – нечто Вечное. Священное. Я понял, что Оно – было, есть и будет всегда… Точнее, Оно – просто Есть. Это – само Бытие. Живой принцип Жизни.

Так что когда ты становишься Мастером Пустоты… то наконец больше не чувствуешь страха… Ведь Пустота, как и до этого Тишина, – становится твоим родным домом. Узнав ее, ты понимаешь, что она – лучше любой формы, совершеннее любого явленного совершенства… Ведь она – потенциально содержит в себе… Все.

Ну, а чудовища… они в конце концов – лишь ограниченные формы… гадкие лебеди, застрявшие в своем развитии. Пусть они и обитают в относительно тонких сферах этого бесконечного мира…

Так что, ребята, по большому счету, вам нечего бояться, ведь все вы – будущие мастера…

– Даже если тебя загрызут эти ограниченные чудовища? – ехидно задал вопрос Люциус.

– Ну… до встречи с чудовищами еще нужно дожить, – парировал учитель уже более оживленно, словно сбросив с плеч некую невидимую серую ткань, делавшую его голос глухим и печальным.

Мы заулыбались.

– Кстати, – кивнул он, словно бы что-то вспомнив, – в кон-

це семестра вам предстоит пройти один тест. – Ничего особенно сложного. Он называется «Мое первое чудовище». Вот тогда и посмотрим, кто – кого… – произнес он и легкомысленно подмигнул Люциусу.

*

Так они все же есть?.. Точно есть?… В смысле, здесь и сейчас, а не только – появились откуда-то в прошлом и так же загадочно исчезли неизвестно куда… думал я, пиная перед собой бутылку из темного стекла. И нам предстоит тест? Сражение с настоящим Чудовищем? Настоящим!?

Кто-то догнал меня. Тьен, подумал я радостно и обернулся. Но это оказался Крихтон.

– Привет, – показал он, – мне тоже в эту сторону.

Я кивнул. Мы с ним редко общались, какой-то он весь был вертлявый и как бы… готовый тут же вывернуть на тебя все свое внутреннее содержимое. Ментальное, конечно.

– Слушай, – показал мне знаками Крихтон, – говорят, если не пройдешь этот тест – оставят на второй год. Или вообще… отчислят. – Он казался несколько взволнованным, вспотел даже.

– Откуда ты знаешь? – спросил я. Его информация наоборот скорее успокоила меня – остаться на второй год – все же не то же самое, что… сгинуть навеки.

– Слышал…

Ну да, подумал я, он всегда про все слышал.

– Так что это за тест? – спросил я.

– Говорят… что нужно обнаружить и победить чудовище…

– Где обнаружить?.. И как… победить? – спросил я скептически.

– Ну… – замялся Крихтон.

Ничего он толком не знает, понял я.

– Наверное, нам все это сообщат перед испытанием… – показал Крихтон.

Я кивнул. Мы молча шли по сырому от растаявших снежинок тротуару вдоль дороги по которой иногда проезжали бесшумные машины. Время от времени среди серых туч проглядывало по-весеннему яркое солнце.

Солнце светит на чудовищ, – начал я вдруг ни с того ни с сего сочинять у себя в голове:

И на Башню за углом…

А на скамейке сосед читает газету,

И с интересом, с большим интересом

Ему чудовища заглядывают через плечо…

Иногда у меня случались такие вот… околотворческие приступы.

Вскоре Крихтон свернул в одну из подворотен и, махнув на прощание рукой, оставил меня в желанном одиночестве. Отчего-то мне в его обществе было даже скучнее, чем наеди-

не с собой. А Тьен опять где-то пропадает, подумал я. Наверное, опять чем-то увлекся. Тьен всегда чем-то увлекался – то рисунком, то электроникой, то легендами средневековой Европы и нередко спешил сразу после школы по этим своим делам, оставляя меня одного…

Глава II

1.

– И говори, пожалуйста, по-…

– Но, правда, мама, по-моему, они тут все сумасшедшие, – услышал я ее напряженный голос. Голос Идун… – Я стараюсь понять их… но они только и делают, что на полном серьезе рассуждают о чудовищах, рты у учеников зашиты прозрачными нитками, классный наставник носит маску, а мальчишки развлекаются тем, что сталкивают друг друга с забора!

Я свернул за угол и увидел в школьном холле Идун, взволнованно говорившую все это женщине с очень прямой спиной, одетой в изящное темное пальто.

– Мы уже обсуждали это, – довольно строго ответила ей женщина. – В здешних методах и традициях есть определенный смысл. Из учеников школ Круга, между прочим, вышли самые известные и прославленные люди. Учителя, ученые, политики… и пока мы с папой работаем в этой стране…

– Но я не хочу тут учиться! – почти закричала Идун. – Мне теперь что, тоже зашьют рот?..

Тут они увидели меня и обе замолчали. Я сделал вид, что ничего особенного не услышал и прошел мимо них в раздевалку. За моей спиной они стали говорить тише, а вскоре, су-

дя по звукам, и вовсе ушли.

Как же так… Идун, оказывается, вовсе не Мастер Тишины, а самая… обычная девочка?.. Как же так?.. И что будет дальше?.. Она уйдет из нашей школы?.. Уедет обратно в Норвегию?

Когда я вышел из раздевалки снаружи никого уже не было. Первым уроком шла Пластика. Я успел войти в класс как раз перед тем как тихонько динькнул колокольчик, возвещающий о начале урока и сел на коврик в своем излюбленном темном углу слева.

– Намастэ, – приветствовала нас мисс Дин.

Мы сложили руки в ответном приветствии.

Мисс Дин нажала на кнопку и из невидимых колонок полилась традиционная индийская музыка: музыкант перебирал струны ситара сначала спокойно и неторопливо, но постепенно ритм становиться все быстрее и быстрее. Невысокая, даже хрупкая мисс Дин, стоявшая на коврике перед нами, сначала изящно повела в сторону правой рукой, притоптывая в такт полусогнутой ногой, затем к танцу присоединилась ее левая рука, добавились ритмичные движения головы, мудры, а вскоре уже танцевало все ее тело, включая лицо и кончики пальцев. Глядя на нее, охватывало желание тотчас начать танцевать или хотя бы как-то двигаться. Ученики, сидящие на полу, отбивали руками ритм в такт музыке и ее движениям.

Поначалу мне эти уроки казались странными, но уже после нескольких занятий все изменилось и наоборот, уже движения окружающих стали казаться мне топорными, скованными или, наоборот, излишними – в общем, какими-то неправильными, а тела большинства людей – ужасно закостеневшими. Это было довольно неожиданное открытие, ведь до того как у нас началась Пластика я особо не задумывался ни о чем таком.

«Танец – это жизнь, – любила повторять мисс Дин. А жизнь, в свою очередь, должна быть танцем. Прекрасным танцем!»

Звучало это чуть банально, но лишь до тех пор, пока она не начинала танцевать. Причем, ей не обязательно нужно было делать это буквально, обычные движения и даже ее мимика были настолько грациозными и живыми, что, бывало, глаз не оторвешь.

– Ну что, мои мрачные северные дети? – со светящейся радостью улыбкой спросила нас замершая с последним аккордом ситара мисс Дин, – как ваши успехи?.. Дуглас? – неожиданно назвала она мое имя.

– Ну… – показал я… – я пытался танцевать дома… немного получалось… но, когда я пытаюсь импровизировать, добавлять какие-то движения, действовать спонтанно, как вы говорили… то начинаю чувствовать себя глупо…

– Да, так бывает, – кивнула мисс Дин. – Тогда танцуй пока сдержанно, не пытайся изменить себя за один прием. Глав-

ное – ухватить за хвост этот импульс, внутренний толчок, желание тела прийти в танец и следовать за ритмом… А движения… пусть пока остаются простыми и сдержанными. Постепенно ты почувствуешь себя свободней!

Я кивнул. Хотя… вряд ли у меня это все получится, подумал я по себя.

«Ни са са, ни са са, ни са ре га ма га ре ни…» – быстрым речитативом лился женский голос из колонок, мисс Ли уже спрашивала об их отношениях с танцем других учеников, а я опять думал об Идун. Все вдруг оказалось совсем не таким, как я себе представлял! Вот же дела… Я вдруг вспомнил, что учитель как-то говорил, что мне свойственно проецировать свои фантазии на окружающий мир, но… чтобы настолько сильно ошибиться! Даже для меня это было чересчур… И еще… я не мог понять, что теперь чувствую к Идун. Ведь… раньше она была для меня прекрасной и недоступной принцессой, живым совершенством… хоть и немного смахивающей из-за короткой стрижки на подростка… а теперь… Теперь?..

– А сейчас Идун покажет нам один танец, – произнесла мисс Дин, заставив меня очнуться.

Идун вышла вперед и остановилась перед нами.

– Это традиционный норвежский танец, – сказала Идун, чуть смущенно глядящая перед собой, – я немного занималась… дома.

Мисс Дин доброжелательно улыбнулась новенькой и включила музыку.

Идун начала кружиться под звуки скрипки, пританцовывая и иногда изящно выбрасывая ногу вперед, а затем назад – так, что почти доставала пяткой до локтя. Движения были вроде и не слишком замысловатыми, но ее танец очаровывал. Он был простым и каким-то очень естественным, что ли. И очень подходил Идун. Разве что в танце, кажется, чего-то не хватало – это ощущалось в том, как она двигалась полукругом по условной сцене…

– Вы заметили, да? – спросила мисс Дин, – этот танец предполагает партнера… Сделаем-ка мы так… Она легко поднялась с места и вступила в танец в роли мужчины.

Это было занятное преображение. Мисс Дин вытанцовывала перед Идун, засунув большие пальцы рук за воображаемые рукава жилетки, забавно кружилась, поднимая казавшиеся теперь не слишком-то гибкими ноги и ударяя щиколотками о ладони. В общем, почти полностью превратилась в этакого лихого парня, отплясывающего с девушкой под звуки скрипки…

Но вот танец закончился, и все дружно зааплодировали.

– Умение копировать манеру движений других людей помогает понять их, а понимать других… очень важно для будущих мастеров, – заметила мисс Дин. – Весело у нас тут? – вдруг подмигнула она Идун и тепло ей улыбнулась. Та, рас-

красневшаяся и выглядевшая теперь гораздо более расслабленной, чуть задумалась, но затем решительно кивнула в ответ…

Под руководством мисс Дин мы в тот день разучили некоторые характерные движения из норвежского танца, заодно разобрав откуда и почему они появились, а в конце урока она включила нам запись какой-то удивительной и необычной песни. Чистый и чуть печальный женский голос пел:

Jeg legges i min vugge nu
Stundom greder, stundom ler
Min moder har for meg omhug,
umak, uro og besvær.

Sove nu, sove nu, i Jesu navn
Jesus bevare barnet

Min moder synger, sove nu
Min amme synger lige så.
Min broder synger, sove du
Min soster synger, sove du

Sove nu, sove nu, i Jesu navn
Jesus bevare barnet

Da jeg har sovet en liten søvn,
begynner jeg at grede og klage
Min fader tager meg i sin favn,
danser med meg, frem og tilbage

Danse så, med de små
Danse så, så skal dansen vågne
Sove nu, sove nu, i Jesu navn
Jesus bevare barnet

– Это старинная народная колыбельная, – пояснила с места Идун по просьбе мисс Дин. В ней ощущается христианское влияние. И она от лица ребенка. Его положили в колыбель и все поют ему: «засыпай» – мама, кормилица, брат, сестра… Еще они просят Иисуса позаботиться о малыше. И вот, малыш вроде бы почти заснул, но отчего-то вдруг опять начал плакать и жаловаться. И тогда уже отец взял его на руки и стал убаюкивать, тихонько пританцовывая и напевая, что танцы с малышами защитят их. Примерно так… – Идун замолчала и опустилась на свое место на коврике.

– Замечательная колыбельная, – сказала мисс Дин, кивнув, – особенно, в исполнении этой девушки.

– Да, – отозвалась Идун, – это довольно старая запись. – В исполнении Перниллы Анкер.

*

Такая… красивая, спокойная и немного грустная песня, думал я, идя со школы. Теперь она ассоциировалась у меня с Идун… Жаль, я ни за что не осмелюсь попросить запись у Идун, особенно теперь, когда все еще больше запуталось… Конечно, можно было бы попросить ее у мисс Дин, но это… не то…

А она все-таки, наверное, очень способная, вдруг пришло мне в голову. Ведь в наши классы не всех берут. Низкорожденные вот учатся в отдельных классах… А ее взяли без экзаменов и сразу к нам, а не в начальные классы… и не к Низкорожденным…

Я свернул на перекрестке.

И все-таки странно… подумал я, глядя на голые ветви деревьев, посаженных вдоль тротуара, и опять вспоминая колыбельную. Похоже… что и в старые времена люди тоже чувствовали, что детей нужно защищать от чего-то невидимого… Но ведь тогда о чудовищах и знать не знали?

Вдруг я услышал, как кто-то бежит за мной.

– Тьен! – обернувшись, даже слегка удивился я.

– Смотри, – показал он, стараясь отдышаться. Он снял с плеч мешок и, покопавшись в нем, достал оттуда иностранного вида газету. – Тебе, наверняка, будет интересна одна статья. Ты же читаешь по-английски?.. Я кивнул. Ты ведь тоже сомневался – существуют ли чудовища, – торопливо продолжил Тьен, – ведь других странах Эпидемию объясняют без всяких чудовищ. Ясных ответов, как обычно нет,

но все же – почитай…

2.

«Беспокойство полубогов» – прочел я название статьи, развернув газету сразу после ужина. Ниже мелким шрифтом было набрано:

Интервью нашего специального корреспондента Марии Раух, взятое у Мастера Пустоты – одного из преподавателей легендарных учебных заведений Круга (пожелавшего остаться инкогнито).

Еще ниже располагалась фотография красивой темнокожей девушки и высокого мужчины в знакомого мне покроя пиджаке – похожий носил и наш учитель, сидящих за небольшим круглым столом. Рассмотрев фото, я начал читать.

Ровно в назначенное время в номер гостиницы, где мы условились встретиться, вошел этот высокий красавец, этакий сияющий рыцарь в бежевом пиджаке, поверх серого свитера, разве что его нос картошкой несколько отступал от классических канонов красоты, но, впрочем, как только он начинал говорить – вы сразу же забывали про нос. Впервые услышав его голос, мне почему-то ужасно захотелось смеяться – словно вдруг случилось что-то очень хорошее и забавное, да и в просторной комнате будто стало светлее…

Такое вот субъективное наблюдение.

Мы разлили чай, и я взялась за блокнот.

– Скажите, что означает ваш титул?

– Всего лишь то, что я успешно закончил университет – что-то вроде магистра.

– Но какова ваша специальность?

– Боюсь, у меня ее нет.

– Но… хотя бы тогда поясните – что все-таки означает… быть Мастером Пустоты?

– Это звание – просто дань традиции. Правильнее было бы называть меня Мастером Полноты, но… это было бы, пожалуй, смешно… – улыбается он.

– То есть, под пустотой вы подразумевает полноту?

– Именно.

– Неудивительно, что страны не вошедшие в Круг за все эти годы так и не поняли до конца вашей философии.

– Ну-у… – протягивает он, – главное, понять суть. А все эти мелочи, условности – преходящи…

– Возможно, вы правы. Но все же попробуйте объяснить, что именно умеет делать человек, окончивший один из лучших Университетов Круга.

– Мои умения несколько специфичны, так что может быть проще будет начать с наших школьников, которые тоже многое умеют… – опять улыбается он.

– Например?..

– Например, молчать, – на полном серьезе отвечает он.

– Но ведь… простите за этот вопрос, но многие наши читатели с возмущением относятся к одной известной традиции, принятой в…

– Вы про зашивание ртов?

– Да.

– На самом деле, это не больно, можете мне поверить, ведь я тоже учился в школе Круга.

– Но… зачем это вообще нужно делать?..

– Отчасти, это – символ, внешнее отражение чего-то происходящего внутри… Но, в тоже время, ребенку было бы очень сложно молчать три года просто решив, что так зачем-то нужно… Мы просто… упрощаем эту задачу.

– Задачу – научиться молчать?

– Да.

– Но зачем?

Но на этот вопрос он не отвечает – просто молча смотрит на меня. И я вдруг начинаю слышать ее… Тишину… И вижу по его взгляду, что он знает это.

– Это просто один из способов научиться молчанию, но не внешнему, а молчанию ума, – говорит он, словно лишь в дополнение к тому более важному ответу, который я уже получила без слов. – Просто овладев этим, вы почувствуете Ее вкус… Ощутите некую свежесть. Покой… Это еще не конечный, но важный этап. Когда наши ученики проходят его, они становятся Мастерами Тишины.

– Вот как… Значит (я пытаюсь прийти в себя и продолжить интервью, хотя мне этого больше не хочется, а хочется еще побыть в этой его Тишине, которую ощущаешь рядом с этим странным человеком) … Значит… сначала ваши ученики учатся молчать?

Он кивает.

– А потом?..

– Потом Тишина проникает во все, что они делают.

– То есть, им уже можно говорить?..

– Говорить, петь, кричать… – усмехается он, – все, что угодно… Все это теперь будет пропитано тишиной.

Я киваю, хотя… мне это не очень понятно.

– А вы можете продемонстрировать что-нибудь такое… практическое? Чтобы проиллюстрировать, что это значит… когда действия пропитаны тишиной.

– Это просто действия, – отвечает он (видимо, демонстрации, не будет). – Например, можно кататься на коньках по льду – и ощущать эту легкость, почти полет! А можно кататься… скажем, по чуть припорошенному снегом тротуару – в этом уже не будет никакой легкости и удовольствия. Тишина – это просто лучшая основа для любого действия. Наши ученики добиваются успеха в разных сферах жизни просто потому, что деятельность больше не утомляет их так сильно…

– Хмм… – протягиваю я задумчиво (как же мне понять этого человека?). То есть, делая что-то… ваши ученики

скользят по своей внутренней тишине, словно по льду… В то время, как другие словно бы пытаются катиться по едва покрытому снегом тротуару?

– Да, – отвечает он и смотрит на меня своими сияющими глазами. И ведь действительно, от всего, что он делает исходит эта неуловимая свежесть… Но ведь не может же все быть так просто? Думаю я, и, кажется, произношу это вслух.

– Но все и не просто, – отвечает он. – Не так много людей, вообще способно прийти к тишине внутри себя. У многих ее нет даже снаружи, – усмехается он.

– Ага, – вспоминаю я, – и тех, кто на это не способен, вы называете Низкорожденными?

Он кивает.

– Наверное, это кажется просто ужасным для ваших толерантных ушек, – произносит он, смущается, но тут же смеется, будто этакий увалень-школьник.

– Но это действительно звучит ужасно! – отвечаю я, хоть и не могу не улыбаться с ним за компанию.

– Нам тоже жаль тех, кто не способен прикоснуться к тишине… но – ничего страшного… у этих людей однажды будут другие жизни… Другие возможности.

– Так вы верите в реинкарнацию? – спрашиваю я огорченно, ведь такие вещи в принципе нельзя проверить – никто еще оттуда не возвращался…

– Вообще-то, я, скорее, обычный ученый, – заявляет он. – Чистый эмпирик.

Я с сомнением улыбаюсь его словам:

– А наши ученые верят только тому, что может быть подтверждено научным методом.

– Вот и я о том же! Мы практикуем наши техники, и они гарантировано работают. Если бы это было не так, я бы первый прекратил подобный фарс!

– Но разве… вы не можете заблуждаться?

– Могу, конечно.

Я победно улыбаюсь:

– Тогда откуда вы можете знать что-то наверняка?

– Я верю себе, потому что знаю себя, – говорит он, ни мало не растерявшись.

Я разочарованно вздыхаю.

– То есть, я, например, себя не знаю?

– Нет, – отвечает он, даже не задумавшись.

– На все-то у вас есть готовые ответы, – скорбно улыбаюсь я этому сияющему рыцарю (от блеска доспехов которого у меня, кажется, начинают болеть глаза).

– Скепсис и привычка все усложнять – просто следствие невежества, – кивает он, похоже, не замечая моей реакции…

Да… на это мне даже и сказать-то, нечего. Точнее, нет такого желания.

– Не принимайте на свой счет, – все также белозубо улыбается он. – Вы вполне способны стать Мастером Тишины…

– Это утешает, – вежливо улыбаюсь я.

– Потенциал человека, не подточенного чудовищами

очень велик, – заявляет он.

Ну вот… думаю я, это конец. Теперь этот парень кажется мне просто очередным сумасшедшим с сияющими глазами.

– Боюсь… я не верю в чудовищ, – говорю я. – Наша трактовка Эпидемии, как вы, думаю, знаете, разительно отличается…

Он кивает мне и вдруг несколькими точными движениями отворачивает манжету рубашки на своей левой руке, и я вижу шрамы, пересекающие по диагонали все его мускулистое предплечье с внутренней стороны… такие мог бы оставить, скажем… тигр? Хотя я, конечно, не специалист…

– Можете считать, что чудовищ – нет, – говорит он, – но страдания, боль и раны, которые они оставляют – вполне реальны. Многие мои друзья… не из Низкорожденных, конечно – хотя, есть и такие, чтобы вы не думали… ушли во мрак, столкнувшись с ними. Их больше нет… кого-то – буквально, кто-то заперт в Башнях Печали… таких специальных клиниках… Так что, простите, но не вам решать… существуют ли чудовища. Ваши ученые могут трактовать возникновение Эпидемии, как некую эволюционную флуктуацию, случайную и необъяснимую мутацию, заставившую людей по всему миру терять рассудок и убивать себя и других… Это все… пустые слова. Для нас произошедшее – это война. Спланированное нападение противника и отход в тень. И она продолжается. Битва за нас самих, за наших детей против незримого и… да, в каком-то смысле несуще-

ствующего врага. Но эта война… как и наши потери – вполне реальна, уверяю вас.

Он замолчал и вдруг закрыл глаза и сделал несколько каких-то неестественных и глубоких вдохов и выдохов.

– Извините, – произнес он, возвратившись со своей планеты (скорбная шутка автора статьи), – привычка со школы. Помогает восстановить равновесие.

Я лишь кивнула в ответ. Кажется, это интервью исчерпало себя, подумала я с сожалением. Впрочем, как и все предыдущие попытки контакта с людьми Круга – какими бы многообещающими они не казались поначалу… Все они потерпели фиаско. Взаимопонимания не возникло…

– Спасибо за интервью, – сказала я. – Прошу вас… не сердиться за то, что не понимаю вас.

– Конечно. Меня удручает вовсе не ваше непонимание, – ответил он уже спокойно, – а то к чему оно однажды приведет.

*

Опять ничего не понятно, подумал я, отложил газету и стал глядеть в окно, за которым уже начало смеркаться.

У него были эти шрамы на руке – значит, чудовища все же могут оставлять настоящие шрамы? Или они, например, создали ситуацию, после которой они появились?

Кстати, вдруг вспомнил я, как там спина? Я подошел к зеркалу и, задрав рубашку, осмотрел левый бок. Все почти

зажило – на месте ушиба остались только пожелтевший синяк и тонкие коричневые царапины.

А может Варг и был моим первым чудовищем? – чуть усмехнулся я. Но тогда получается, что я уже победил его? Еще до теста. Хотя, вряд ли… Конечно, Низкорожденные, может, и не полноценные люди… Но и не чудовища…

Но кто тогда окажется моим первым чудовищем? Может ли им быть кто-то из моего окружения?

Варга я теперь не боялся… моим одноклассникам самим предстояло сражаться с чудовищами… Сам наставник? А что?! Почти всегда в маске – удобно скрывать свою истинную сущность… плюс периодически запугивает нас этими туманными историями-метафорами… А вдруг в очередной раз пригласив меня на консультацию он отвернется от окна в своем кабинете, снимет маску – а под ней… Представив эту сцену я неуверенно усмехнулся.

От размышлений и фантазий меня отвлек динькнувший планшет. Пришло сообщение от Тьена.

– Прочел? – писал он. – Как думаешь, откуда шрам?

– Не знаю, – напечатал я. – А ты?

– Ну… наверное, получил его во время Эпидемии или, судя по возрасту Мастера, скорее, – Второй волны. Но интересно – как?..

– Угу. Это же самое важное. Вечно эти взрослые напускают тумана!

– Ага. Знаешь, я как-то спросил об этом отца.

– И что??

– Да… ничего. Он вообще как-то индифферентен к этой теме.

– Понятно. А мой… даже не знаю… Спрашивать его про чудовищ было бы совсем уж странно.

– Ну… если честно, мой отец кое-что все же сказал. Просто это… ничего не дало. Даже хуже стало.

– ?

– Ну, он сказал, что повзрослев я сам все пойму, надо просто учиться и все такое, и вроде как постепенно во всем разберешься… Ему они как-то… неинтересны что ли… Знаешь, он сказал… что чудовища – это для молодых, глупых…

– Как это для глупых!? – напечатал я возмущенно. – Они же стольких людей сделали… ну как они называются… У которых потом только низкорожденные дети… А во время Эпидемии вообще почти уничтожили всех нормальных людей!.. Я ведь только из этой статьи понял, наконец, про Башни…

– Да знаю я, Дуг… – напечатал Тьен после паузы, – я и сам спросил потом у учителя почему отец так сказал…

– Ого… у учителя… И что он?

– Ничего… усмехнулся, кажется – он тогда в маске был, я его в коридоре встретил, так что – не знаю точно. Сказал, что отец по-своему прав, что я сам постепенно все пойму и решу что – важно, а что – нет.

– Вот же… Эти взрослые все заодно!

– А он их… и не видел ни разу, – вдруг написал Тьен. – Я как-то подслушал случайно его спор с одним коллегой – они разругались как раз по этому вопросу. Понимаешь… отец, как и мы, только слышал о них от других…

– Но как так могло получиться? – изумился я, – ты же не…

– Не Низкорожденный? Вроде бы нет… Но знаешь, иногда я думаю, что отец… ну, что мама… – тут он замолчал.

– Извини…

– Ничего, – написал Тьен и отключился.

3.

– Боюсь… однажды они найдут меня где-нибудь в канаве, – произнес вдруг отец.

– Кто найдет? – уточнила мама.

– Ну как… Искатели, – отозвался отец.

– Искатели, – усмехнулась мама, – что же это должна быть за канава!..

Я нерешительно заглянул на кухню. Была суббота, спешить было не куда, а садиться за стол с родителями, честно говоря, не очень хотелось. Я бы предпочел завтрак с книжкой наедине…

– Заходи, заходи, – сказал отец, глянув на меня одним глазом, и продолжив читать газету – ту самую, между прочим, которую мне дал Тьен. Откуда она здесь?

– Не юноша… но муж! – добавил отец. – Наш сын уже читает газеты, представляешь? – обратился он к маме.

– Это газета Тьена, – показал я.

– А… – сказал отец сделав круглые глаза и кивнул глядя перед собой, – я знаю! Тьен – это такой… маленький… – но дальше и конкретнее он не смог вспомнить.

– Темноволосый, – показал я.

– Точно, приятный парнишка! – заключил отец. – И газета хорошая… извини, что взял ее без спросу – не могу равнодушно пройти мимо печатного слова… Ох уж эти бередящие душу иностранные новости! – воскликнул он нарочито патетично и, подняв газету, погрузился в чтение…

– Будешь омлет? – спросила мама, я его тебе не сильно прожарю и порежу мелко…

Отчего-то вспомнив про китов и эти их пластины, сквозь которые они процеживают планктон, я кивнул.

*

Вечером, после выполнения обычных практик (дыхательные упражнения и обязательный отдых после занятий я, честно говоря, пропустил), я все-таки добрался до той библиотечной книжки. Все хотел дочитать ту историю про пугало, но сначала мама попросила меня помочь с уборкой, потом неожиданно заявились в гости папины коллеги, оставили после себя странные смазанные впечатления и очередные экзотические сувениры и испарились.

Поглядывая время от времени на доставшуюся мне на этот раз шкатулку темного дерева, пахнущую сандалом – я взял ее с собой в кровать, мое излюбленное место для чтения, – я раскрыл книжку.

В начале рассказа говорилось о том, как одна девочка – примерно моего возраста переезжает вместе с родителями на новое место. Они обосновываются в стоящем у дороги доме, вокруг которого находятся лишь поля и небольшая речка. Гуляя по окрестностям, девочка натыкается на одиноко стоящее в поле пугало и постепенно начинает с ним разговаривать. И однажды пугало вдруг отвечает ей, а может, девочке это только грезится…

На этом я и в прошлый раз и остановился. Поудобнее устроившись на кровати и бросив еще один взгляд на закрытую шкатулку, я стал читать дальше.

Девочка продолжала каждый день встречаться с пугалом, обсуждать с ним самые разные вещи. Любоваться облаками и шутить над этими странными городскими людьми, что всю жизнь проводят в четырех стенах. И вот однажды, когда у них заходит речь о том, кто что умеет – девочке нравилось читать и рисовать, но увы, рисовать, толком не получалось, – надо же, подумал я, как и у меня… – пугало вдруг призналось ей, что оно по большому счету, вообще, умеет делать только одно. Пугать.

Весь вечер девочку снедало особое любопытство, к которому примешивалось ощущение чего-то таинственного, да-

же жуткого. На следующий день она не вытерпела и попросила своего друга напугать ее. Но тот отказался, говоря, что после этого она больше не захочет его видеть. Девочка возразила ему, что все это глупости и продолжила упрашивать. Пока, наконец, тот не поддался…

– Посмотри на меня, – попросил ее друг. Девочка, подняв голову, посмотрела на его ветхую черную шляпу, на темные пряди из остатков распущенной пряжи, худой абрис несуществующего лица, обтянутый прорванной тут и там мешковиной…

– Не так пристально, – добавил он.

И вдруг, то ли тень от шляпы по другому легла на его бутафорское лицо, то ли девочка впервые по-настоящему ощутила на себе этот внимательный безликий взгляд, увидела эти развивающиеся пряди, грубые нити мешковины там, где должны были быть…

По ее спине пробежали мурашки, а от низких серых туч словно повеяло неожиданным холодом…

– Прости, – сказало ей пугало, – я не хотел.

– Я ведь… сама попросила, – сделав над собой некоторое усилие, ответила девочка.

Словно только что проснувшись, она обхватила себя за озябшие плечи и теперь почему-то избегала смотреть на него.

– Сейчас… тебе лучше уйти, вот-вот пойдет дождь, – мягко сказало ей пугало.

Едва заметно кивнув ему на прощание, и не посмотрев больше в лицо, девочка ушла…

Проходят годы. Повзрослевшая девушка начинает встречается с молодыми людьми, выходит замуж и вскоре переезжает жить в город.

Но однажды кое-что происходит. Уставшая молодая женщина возвращается с работы домой и вдруг, когда она проходит мимо стеклянной витрины магазина, ей на миг кажется, что она замечает в ней отражение своего забытого друга – распятый на перекладине худой силуэт в черной шляпе. Вздрогнув от неожиданности, она вглядывается пристальнее и понимает, что ошиблась – посреди магазина стоит незаконченный манекен, одна из девушек-продавщиц как раз обматывает его шею шарфом.

Сделав несколько шагов, героиня вдруг останавливается прямо среди спешащих по своим делам нервных прохожих и проезжающих мимо гудящих автомобилей и закрывает глаза.

– Забери меня отсюда… Я хочу исчезнуть… просто исчезнуть, – неожиданно для себя молит она кого-то и вдруг понимает, что это и есть правда.

Она идет домой, не замечая происходящего вокруг, думая лишь о том, чтобы вернуться обратно, разыскать старое пугало и попросить его, чтобы оно напугало ее как тогда, в далеком детстве… или даже сильнее, так чтобы…

На этом рассказ обрывается. Я откладываю книгу и лежу, закинув руки за голову и глядя в пространство. Странный рассказ. Хотя почему-то мне кажется, что я отчасти, может быть по своему, понимаю его героиню. Иногда до боли хочется чего-то… другого… подлинного… Может быть, когда я пробегал по кольям забора, я тоже хотел испытать что-то вроде этого притягательного страха… ощущения тонкой грани?.. Пересечешь ее… и все.

Хотя, почему это так? Казалось бы, что хорошего в том, чтобы сгинуть без следа? Но… что если мы незаметно для себя, помним что-то еще, что-то важное?.. Тут мне почему-то вдруг представилась Идун, бесстрашно ступающая на доску, лежащую между двумя крышами. Ее подростковые плечи под тонкой тканью черного свитера… теребимые ветром волосы, тротуар далеко-далеко внизу…

Очень похожее ощущение. Тонкая грань… повторил я мысленно.

4.

– Те страны, – говорил учитель, что не вступили в Круг, как вы знаете, иначе трактуют все произошедшее. И хотя нам тоже неизвестны ответы на многие вопросы… Мы понимаем, что их попытка игнорировать то, что случилось, отделываясь умными наукообразными словами – просто попытка страуса, столкнувшегося с тигром, спрятать голову в песок. –

Учитель усмехнулся – наверное, представил себе этого страуса… или тигра… этакого невидимого тигра. – Они продолжают жить так же, как делали это в Эпоху Кривляний. Хотя, даже ребенку очевидно, что поступать так сейчас – просто безумие, – он чуть помолчал.

Вы ведь знаете, как это было… – продолжил он уже с меньшим энтузиазмом. – Люди, имеющий потенциальные параспособности по всюду в мире начали утрачивать рассудок и всякий инстинкт самосохранения… Обезумевшие, они бродили по улицам и площадям, бросались в огонь, падали с мостов и крыш, просто так – шагая друг за другом. Они наносили себе ужасные раны, словно ведомые лишь каким-то безумным любопытством…

Мы не любим говорить об этом, потому что это было… слишком страшно, а нам – людям… надо жить дальше, работать, учиться… и не терять оптимизма… – Учитель сделал паузу.

– Вы знаете, – продолжил он, – что в Америке, России и многих странах нашей любимой Европы, власть принадлежит Низкорожденным – поэтому там не принимают наши идеи… Они все еще твердят, что все люди равны… Что мы – против демократии… Какой еще демократии?! – воскликнул учитель. Он взмахнул правой рукой и старомодная ручка, которой он на моей памяти никогда ничего не писал, вдруг, дрогнув, прокатилась по столу. Ого, подумал я, и сначала даже не поверил глазам, так буднично это выгля-

дело. Идун позади меня порывисто выдохнула… – Равны… как же, – пробормотал учитель. Он взял ручку, бездумно покрутил ее в пальцах и положил обратно на край стола. – Ни один горизонтал не способен хотя бы на дюйм погрузиться в глубины своего ума. Впрочем, на самом деле, они, конечно же, не так глупы… Их правительства и власть имеющие отлично понимают, что к чему. Просто… как и сотни лет до этого они думают только о себе. Это, похоже, одна из характерных черт Низкорожденных… благоприобретенных, в кавычках, черт… Неспособность выйти за рамки материальных интересов…

А что если завтра – следующая атака? – Иногда спрашиваем мы их. – Ну-у, нам, нормальным людям, по сути ведь ничего не грозит, не так ли? – отвечают они. – Это вы – парапсихи – сумасшедшие мутанты, непонятно с чего сходите иногда с ума… то все вместе, то поодиночке – как во время Второй волны… – учитель замолчал.

Он довольно долго глядел в окно, но, наконец, все же попросил нас, как обычно, записать свои мысли.

– Постарайтесь также вспомнить чему мы, люди Круга, научились после Эпидемии, – добавил он, – Эпидемии… – повторил он, так, словно ему впервые пришлось произносить это слово.

*

Чему мы научились? – написал я и задумался. Вопрос

оказался неожиданно сложным. Вроде бы ничему такому… но если вдуматься – то, наверное, многому. Даже мы – подростки, – сильно отличались от людей Эпохи Кривляний… или от людей тех стран, что не входят в Круг, которые… почти и не изменились.

Нам с детства прививаются основы умственной культуры… Они были заложены самими Оставившими, а сейчас за чистотой и эффективность методов обучения следят Беспристрастные. В наше время любой ребенок постепенно знакомится со своим внутренним миром, узнает, что такое Тишина. Открывает для себя, что Тишина – живая, и что она – во всем.

По сравнению с людьми Эпохи Кривляний, которые не то что о внутренней тишине, даже о внешней мало что знали… мы, можно сказать, гораздо ближе к тому, что какие-нибудь чаньские наставники (я как-то читал про них в одной библиотечной книжке) называли Просветлением… То, что во времена Эпохи Кривляний считалось уделом немногих… чудиков для нас – почти повседневные вещи. Любой школьник понимает про себя сейчас не меньше какого-нибудь буддийского монаха, а может, и больше…

Но, с другой стороны, собственный внутренний рост, наверное, особо не ощущается… ты замечаешь скорее, как постепенно глупеет весь остальной мир. Живущие рядом Низкорожденные… Так называемый Внешний мир… а самого себя ощущаешь все тем же… собой. Ничем не лучше преж-

него, даже, возможно, и хуже…

Да, вдруг вспомнил я, – поскольку Низкорожденных даже в городах Круга (кроме отдельных новых районов) до сих пор было гораздо больше, чем нормальных людей (я имею в виду нас – парапсихов), это сильно затормаживает наше движение вперед. Ведь рядом с Низкорожденными даже медитировать практически невозможно…

– Как-то учитель объяснял нам, что сознания людей упрощенно можно уподобить сообщающимся сосудам. Когда находишься рядом, скажем, с Мастером Тишины – в тебя вливается его внутренняя Тишина, покой, но вот если рядом с тобой находится Низкорожденный, то – наоборот… Его будет распирать от избытка энергии, а ты будешь чувствовать себя так, словно тебя связали по рукам и ногам… Раньше, в Эпоху Кривляний, многие нормальные люди так и мучились всю жизнь, судя по книгам и фильмам тех времен… Взять хотя бы ту книжку про… Уборку ржи над пропастью?.. Про одинокого и нелепого по меркам окружающих подростка…

Но, к счастью, – продолжил писать я, – после Эпидемии Оставившие смогли разобраться в произошедшем, да и часть Низкорожденных встала на нашу сторону. Например… Бразилия… и конечно, существенная часть Индии (были еще и другие страны, но я не был уверен в точности своих познаний в этой области). Появился и вырос Круг – места на Земле – города и целые области, где люди разделяют на-

ши взгляды, живут по оставленным нам Правилам… Думаю, что и многие Низкорожденные, живущие в пределах Круга понимают, что мы способны на многое и уважают нас, понимают, как важно идти вперед… и в конце-концов разобраться, что же в действительности произошло около сорок лет назад (тут я вспомнил Варга) ну… то есть, разумные Низкорожденные, – дописал я.

В общем, мы стараемся развиваться, – написал я в конце, – расширять свои знания и навыки, чтобы быть готовыми… Чтобы… в случае новой атаки… больше не быть беспомощными жертвами.

*

На перемене ученики столпились в коридоре, оживленно жестикулируя – обсуждался случай с ручкой. Конечно, все мы знали, что Мастера Пустоты и не на такое способны, но вживую все же видели подобное довольно редко. Во-первых, такие вещи несколько сбивали с толку Низкорожденных – они потом каждый раз не знали – то ли начать перед нами преклоняться, то ли – сжечь на костре от греха подальше… Поэтому публичные демонстрации парапсихических способностей в странах Круга не поощрялись, не говоря уже о том, чтобы демонстрировать их за пределами… Во-вторых, неизвестно было – наблюдают ли за нами чудовища и если – да, то не будет ли преждевременной любая демонстрация наших возросших способностей… Даже нам, учени-

кам школ Круга, о разнообразных возможностях Мастеров было известно лишь понаслышке…

Все вокруг бурно жестикулировали, а Крихтон, и еще пара ребят всю перемену не отходили от Люциуса, который якобы случайно обмолвился, что и сам кое-что такое умеет. На просьбы продемонстрировать, что же он умеет, он лишь высокомерно качал головой. «Против правил», – пояснял он важно.

Девочки стояли отдельно. Идун как всегда сохраняла независимый вид, но теперь я догадывался, что это – лишь маска… Каково ей сейчас? подумал я вдруг, наверняка она ведь не видела ничего такого…

Тьен стоял рядом со мной и, прислонившись к серой батарее, и вертел в руках какой-то странно изогнутый кубик Рубика с большим числом клеток. В последние дни мы опять мало общались… но, похоже, и он не мог отделаться от мыслей о ручке.

– Слушай, – показал он мне, – ты раньше уже видел такое?

Я неуверенно пожал плечами. Как-то, совсем маленьким, я, кажется, видел, как отец, недавно вернувшийся из Башни… но это было очень смутное воспоминание.

– Чтобы двигали предметы – не видел, но кое-что другое видел, да…

– Расскажи…

Но тут раздался сигнал к началу урока, и мы пошли в класс.

Вторым уроком шло Ремесло. Интересный предмет, но я никак не мог выбрать на нем занятие себе по душе.

Все расселись по своим специально оборудованным местам. На Ремесле каждый занимался тем, что ему было интересно. Кто-то мастерил из дерева, кто-то рисовал, кто-то еще паял схемы… Люциус как обычно что-то программировал на одном архаичном языке – я все время забывал его название. Одна из девочек – Леа, очень красиво рисовала, правда, все ее картины были очень похожи между собой – на них обычно изображалась девочка с большими темными глазами и светлой чуть ли не до прозрачности кожей, а где-то поблизости всегда находился немного страшненький из-за мудрых глаз, худобы и больших ушей серебристый зверек вроде лиса… А Идун – насколько мне сейчас было ее видно, – занималась тем, что сплетала что-то из разноцветных нитей…

Учитель Ремесла – очень молчаливый седовласый человек, который, насколько я знал, был мастером Тай Цзы, эмигрировавшим в наш городок из Китая, просто присматривал за нами, помогал советом, если его о чем-то спрашивали, мог порекомендовать соответствующую литературу и все такое… Иногда, правда, его прорывало, и он вдруг мог начать говорить о том, как удивительны и важны вещи. Просил нас почувствовать их форму, ощутить текстуру… Даже пластик прекрасен! – как-то сказал он. Мы тогда еще не приняли молчание и вообще были гораздо более легкомыслен-

ными и почти ничего не слышавшими про чудовищ детьми, и прозвали учителя ремесла Пластиковым Мастером. Но он не обижался…

В общем, на ремесле важно было найти что-то свое, определиться с тем, что тебе нравится и подходит, приносит настоящее удовлетворение и раскрывает способности…

Сидя перед пустым листком бумаги, я поглядел на Тьена – тот хоть и нередко менял свои увлечения, но всегда отдавался им полностью, до конца. Вот и сейчас он сидел справа от меня и увлеченно работал над какой-то странной картиной – мне был виден лишь темный фон и что-то вроде белых струек дыма, вытекающих из веток голых деревьев и постепенно, кажется, превращающихся в некую имитацию листвы… а может, в оживший и ставший видимым ветер?.. Да, Тьен талантлив, подумал я.

Я же как-то пытался писать небольшие рассказы, пробовал немного рисовать и сочинять музыку на синтезаторе (в наушниках, конечно, чтобы не мешать другим, хотя, на самом деле, я, скорее, боялся, что это другие… смутят мое вдохновение) и даже собрать самодельный приемник, но толком, по-настоящему, меня ничто не захватило… Вот и сейчас. Глядя на капли дождя на стеклах и вспоминая спаниеля, которого видел вчера в коридоре нашего дома, я написал:

Серый пол, зеленые стены,
Белый свет сквозь мутные стекла.

Рыжий пес повернулся спиной
и виляет обрубком хвоста.
Просто тень легкой грусти,
белое небо и тучи,
Капли дождя на стекле,
Недоступные Тени в ушедшем дне…

Но чего-то в этих строчках, кажется, не хватало… А я, как обычно, не знал чего именно, и как это исправить. Я перевернул исписанный листок, взял новый и застыл над ним без единой мысли в голове…

*

На выходе из школы меня перехватил Лур.

– Эй… парнишка… – сказал он, как обычно неправильно интонируя. – Прочти вот это… обязательно!

С этими словами он сунул мне какую-то брошюрку. Я растеряно принял ее и поспешил за пределы школьного двора. Луру-то, что от меня нужно?!

Идя в одиночестве вдоль дороги, – Тьен в очередной раз загадочно пропал, – я развернул листок. Это оказалась брошюра Неслышащих. Как-то я уже видел подобные…

В брошюре утверждалось, что, как всем известно, во время Эпидемии те, кто был глух от рождения или по каким-то причинам временно лишен слуха, – не пострадали. То есть,

полностью сохранили рассудок и стали теми, кто потом помогал пострадавшим приходить в себя и все такое… Вроде бы это, действительно, было правдой, но только отчасти. Спасали людей – если можно так выразиться, конечно, Низкорожденные, с которым вообще ничего не случилось… но… глухие люди вроде бы тоже не сошли с ума, по крайней мере, не обезумели полностью, так… слегка свихнулись – я помнил это из учебников… В общем, Неслышащие делали примитивный вывод, что если лишить себя слуха, то этим ты обезопасишь себя от новой атаки чудовищ.

К тому же, убеждали они, добровольное лишение себя слуха является эффективным способом самоограничения… тренировки и развития своих способностей… Также оно защищает от некоторых видов неврозов, которые, как известно, встречаются примерно у двадцати процентов одаренных детей, занимающихся в школах Круга в нормальных классах – поскольку от ежедневных медитаций у людей развивается чувствительность нервной системы, неподготовленный ребенок начинает чрезмерно реагировать на внешние раздражители, особенно – слуховые…

Мышление – это просто тонкая форма речи, напирали Неслышащие, и, обладая некими таинственными возможностями, – а кто знает, что умеют чудовища? – его можно полностью разрушить – сделать бессвязным, дырчатым, что якобы и произошло во время Эпидемии… Они считали, что именно так – воздействовав на сознание через органы слуха,

чудовища и свели с ума людей с потенциальными паранормальными способностями… В общем, весь смысл этих нахватанных из разных источников сведений сводился к тому, чтобы зазвать человека в их секту…

Я выбросил брошюрку в ближайшую урну. Вот еще… Стать Неслышащим! Одним из этих… круглолицых… носящих засаленные коричневые балахоны и ожидающих Конца света – а точнее, новой атаки чудовищ на людей… на других людей!.. Этих… трусов, занимающихся в основном чем-то простым… примитивным – вроде уборки улиц… Все – лишь бы не стать неврастеником, лишь бы не прыгнуть случайно выше головы… Лишь бы чудовища не заметили тебя среди Низкорожденных…

Меня даже передернуло. Это было последним, что я был готов сделать в этой жизни. Лучше уж оказаться во власти чудовищ, подумал я. Подумаешь, потеряю рассудок и спрыгну с какой-нибудь крыши… Не так уж это и страшно, если вдуматься…

И я вдруг понял, что, впервые за последние годы, кажется, перестал их бояться. Не то чтобы мне стало так уж легко и радостно – нет. Но тот привычный страх, когда ты все время находишься немного настороже и почти бессознательно ждешь, что эти невидимые, жуткие и непонятные твари, которые, возможно, все это время незримо находились где-то совсем рядом, вынырнут из мрака и набросятся на тебя…

прошел. Наверное, невозможно прожить всю жизнь, трясясь перед некой страшилкой. Пусть, и очень страшной. Страшной-престрашной…

А может быть, я просто повзрослел? Подумал я вдруг.

Глава III

1.

– Должен ли руководство по борьбе с демонами писать одержимый ими или же некто избегнувший этой участи? – спросил учитель. – Как вы думаете?

– Дуглас?

– Я думаю… – начал я и немного замялся, – скорее тот, кто ими одержим… он, действительно знает каково это.

Учитель кивнул.

– Оппонент?

– А я думаю, что все не так просто, – заявил Люциус. – Все мы знаем теорему Геделя – перенося ее на наш случай можно усомниться – способен ли одержимый решить проблему, будучи ее частью? Вспоминается также известное высказывание Эйнштейна о том, что задачу невозможно решить, не выйдя за ее пределы…

Учитель кивнул.

– Есть, что возразить Дуглас?

Я пожал плечами. Меня все-таки вызвали к доске и заставили дискутировать, да еще и с Люциусом, этим пройдохой. Он, кстати, самый настоящий хитроумный пройдоха. Как-то в младших классах на уроке Ремесла он прокрался на корточках между партами, прижав палец к губам, попросил ме-

ня не выдавать его, а потом оказалось… что он незаметно связал между собой шнурки на моих же ботинках!

– Дуглас?..

– Я думаю… руководство по борьбе с демонами, – показал я, – в идеале должен писать человек, который был ими одержим, но потом… смог одержать над ними победу.

Учитель кивнул, вроде бы соглашаясь с моими словами. Кто-то вдруг поднял руку.

– Да, Идун?

– А если существование демонов вообще не доказано? Будет ли в этих руководствах хоть какой-то смысл, – спросила она, чуть побледнев (или мне просто так показалось?) и села на место.

Учитель довольно потер ладонями и, тоже сев за стол, протянул перед собой руку ладонью вверх, приглашая нас с Люциусом ответить.

– Да что говорить… с приезжими, – пренебрежительно показал Люциус. – Нам-то понятно о чем идет речь.

Учитель поднял брови.

– Вопрос задан твоей одноклассницей, Люциус, будь добр дай себе труд подумать над ним.

– В рамках вопроса считается, – со вздохом начал жестикулировать Люциус, – что демоны есть – если б их не было… вряд ли потребовалось писать такое руководство!

Учитель взглянул на Идун.

– А если это… гипотетическое общество, которое мы об-

суждаем, – чуть замялась она, – заблуждается?.. Если никаких демонов нет?

– Если нет – тогда нет смысла писать, – ответил ей Люциус с кислым выражением на лице.

– Что-то добавишь, Дуглас? – спросил учитель.

Я опять пожал плечами. Дурацкая привычка – вечно я так делаю, вместо того чтобы сразу переходить к ответу…

– Бывает… – показал я, – что неправильные теории тоже работают… Например, была такая теория… теплорода, мы проходили ее на естествознании… Несмотря на неверную по сути модель… эта теория все равно давала возможность решать физические задачи. Поэтому, смысл писать такое руководство все же может быть.

– Неплохо, – кивнул учитель. – На этом пока и остановимся. Спасибо за дискуссию. Садитесь, – кивнул он нам с Люциусом. – Запишите тему сегодняшнего урока:

«Теории. Урок номер 59».

Сегодня мы как раз попробуем понять, кому же должен верить одержимый, – произнес учитель, – да… тема нам предстоит сложная.

Мы… то есть люди, образовавшие Круг, единомышленники, парапсихи… мутанты… как угодно, считаем, что тогда – почти сорок лет назад – нас атаковали. Неизвестных нападавших окрестили просто – чудовищами. Да… горизонталы, как вы знаете, отрицают факт их существования и на-

зывают случившееся Эпидемией, эволюционной флуктуацией и тому подобными словами-ширмами…

Почему же мы настаиваем на своем? Во-первых – пострадали именно мы, парапсихи, то есть, люди с… полными способностями. Поэтому нам виднее. У горизонталов, у которых соответствующие способности по некоторым причинам урезаны… умерщвлены… вы это все знаете – ведь достаточно посмотреть им в глаза… Как бы вы описали, кстати, свои ощущения?

– Их глаза напоминают пуговицы! – показал Крихтон.

– В них будто есть некая дымка… затуманенность сознания… – нерешительно ответила Леа.

– И насилие… – добавил вдруг Тьен.

Учитель кивнул.

– Возможно, мы чуть перебрали, но в целом… довольно верно. Глаза отражают состояние сознание человека, даже в древности говорили, что глаза – зеркало души…

Итак, на чем мы настаиваем? И как мы это видим?

В середине века происходит совершенно неожиданная атака. Так называемая… Эпидемия. Примерно десятая часть людей вдруг сходит с ума, с другими – большинством, ничего такого не происходит. Поскольку до Эпидемии не было никакого деления на Низкорожденных и парапсихов, то вот вопрос: а вдруг между нами и не было никакой разницы? Это, кстати, один из аргументов Горизонталов. Они полагают, что различие могло возникнуть уже после Эпидемии, что

способности могли появиться у тех, кто перенес ее и вернулся… То есть, как они выражаются, выздоровел. Логично? Вроде бы, да…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.